

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

МУЖЧИНА КОТОРОГО
ПРЕДАЛА
ЖЕНЩИНА

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

**Мужчина, которого
предала женщина**

«ЭКСМО»

2010

Колычев В. Г.

Мужчина, которого предала женщина / В. Г. Колычев —
«Эксмо», 2010 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Нелегкое это дело – из нерешительного, робкого обывателя превратиться в крутого парня. У Валентина Полунина получилось. Но для этого ему пришлось пройти через лагерные унижения, а потом бежать из зоны, примкнув к группе без вины осужденных спецназовцев... А вот бизнесмен Тихоплесов, из-за которого Валентин прошел все эти круги ада, благоденствует. Мало того, к нему ушла Дарьяна, жена Полунина. Что же сделает крутой парень, каким стал Валентин? Будет мстить: за поруганную честь, за разбитую любовь. И помогут ему новые друзья-спецназовцы. Тем более что у них свой счет к человеку, продававшему оружие чеченским боевикам...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Григорьевич Колычев

Мужчина, которого предала женщина

Глава 1

Тик-тик-тик-тик... Секундная стрелка часов с пугающей быстротой догоняла минутную, неотвратимо поднимаясь к цифре XII. Пять часов пятьдесят девять минут тридцать пять секунд... сорок секунд... сорок пять... Валентину иногда снились кошмары, но даже самый страшный из них мог показаться жалким подобием того ужаса, что сейчас происходил у него на глазах. И угораздило его проснуться на минуту раньше, чем должен был прозвучать будильник...

Тик-тик-тик-тик... Десять секунд до звонка. А так хочется спать. И постель такая теплая, мягкая... Пять секунд... Валентин чувствовал себя цыпленком, которому вот-вот предстояло вылупиться из уютного яйца и оказаться в холодном жестоком мире. Сейчас проклятый звонок вырвет его из милого полусонного состояния и безжалостно зашвырнет в постылый дискомфорт наступившего утра...

А может, будильник не заведен? А может, секундная стрелка проскочит роковую цифру, и ничего не случится?...

Шесть ноль-ноль. В будильнике тихонько щелкнула пружинка, и в сознание ушатом ледяной воды влился ужасный звон. Прервать его можно было ударом по красной кнопке на корпусе часов, но ведь время этим не остановишь. Выход из такой ситуации только один – преодолевать себя и подниматься. А если не справишься с собой, тебе на помощь придет жена, этот робот в прекрасном человеческом обличье.

Дарьяна уже на ногах, потягивается после сна. И делает она это не как обычные люди, инстинктивно зевая и беспорядочно раздвигая руки, а как запрограммированный механизм. Не зевок у нее, а правильный, сконцентрированный вдох, чтобы расправить легкие. И руки она вытягивает вверх по системе йогов, чтобы эффективно растянуть мышцы и включить в работу позвоночник. Валентин обязан следовать за ней. Плечи расправить, грудь вперед, живот подобрать...

А ведь нет живота, одни воспоминания о нем. И, как ни странно, воспоминания эти приятные. Не было кошмарных подъемов по утрам, когда он жил с мамой. Проснулся, протер глаза, пошел на кухню, а там пирожки с мясом или оладьи с медом. Умылся кое-как, ковырнул зубной щеткой во рту – и в школу, до которой рукой подать. А вернулся домой – и сразу за компьютер, хоть до самой ночи. А на полдник мама ватрушек напечет, на ужин куриные котлетки подаст, и можно в своей комнате кушать, за клавиатурой. Потому и животик у Валентина был, и жирок на бедрах. И все так хорошо было, пока в его жизни не появилась Дарьяна. Почти восемь лет сплошных мучений...

Над головой светлое, безоблачное небо, но холодно и ветрено, и еще лужи под ногами со вчерашнего дня. А Дарьяне все нипочем. И то, что пять утра на дворе, – все равно... Да, именно пять, а не шесть, потому что со вчерашнего воскресенья страна перешла на новое, летнее время, а это целый час в минусе. Сейчас, как никогда прежде, Валентин уверен был в том, что это издевательство над организмом придумал изощренный садист в ранге высокого политика. Даже Дарьяна со своим кодексом успешного человека не додумалась бы до такого изуверства.

Ноги у Дарьяны длинные, сильные. Когда она в юбке, походка у нее плавная, пластичная, от бедра. Валентин еще помнил те времена, когда ей не хватало естественности в этих движениях, но за многие годы, что прошли со дня их знакомства, Дарьяна отшлифовала технику до

совершенства. Но ходить она могла и по-другому, быстрым, частым и размашистым шагом, так, что пешком за ней не угнаться. Именно так она сейчас и шла, и Валентин едва поспевал за ней. Свежий воздух, прохлада, забравшаяся под спортивную ветровку, стремительные движения – все это взбудило его, встряхнуло изнутри. Мышцы разогрелись, настроились на продолжительную нагрузку, и уже хочется бежать. Но у Дарьяны правило – до парка нужно идти пешком, а там уже переходить на бег.

Из одних источников следовало, что Дарьяна – это новое имя, вошедшее в употребление после Октябрьской революции, – такое, как Вилена, Владлена, производные от Владимира Ильича Ленина. Но Валентин находил перевод этого имени как с персидского, так и со старославянского языков. В первом случае оно обозначало «победительницу», в другом переводилось как «повелительница». И, надо сказать, Дарьяна соответствовала своему имени: она умела побеждать и повелевать. И над самой собой была хозяйка, и над другими. И характер у нее сильный, властный. Только красоту ее мужественной не назовешь, потому что женственность – ее визитная карточка. Хрупкое, нежное, изысканно манерное создание с детскими чертами лица и грустно-добродушной улыбкой. Глядя на нее, трудно было поверить, что это расчетливая, педантичная и очень целеустремленная женщина, не привыкшая щадить ни себя, ни других...

К тому же она была красивой женщиной. Худенькая, изящная, модельного роста и внешности; густые белокурые волосы до плеч, замечательные янтарного цвета глаза, черные брови вразлет; нос чуточку широковатый, но сбалансированный с высокими скулами, надбровьями, чувственным ртом и заостренным подбородком. Однажды увидев ее на улице, Валентин влюбился без памяти. Робкий, вне себя от смущения, он тенью ходил за ней, и неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы она сама вдруг не проявила инициативу. Он пытался взять ее осадой, но проиграл ей на контратаке. Хотя можно сказать, что выиграл. В любом случае в победителях оказалась Дарьяна...

Парк начинался за шоссеиной дорогой, далеко не самой широкой в Москве, но все же достаточно оживленной. Дарьяна не поленилась проделать лишних двадцать-тридцать метров, чтобы выйти на пешеходную «зебру», но и останавливаться, пропускать подъезжающую машину не стала. Просто глянула по сторонам и пошла, уверенная в том, что черный «БМВ» непременно уступит ей дорогу. Так и произошло. Водитель покорно осадил всех своих «лошадей» под капотом, и даже не позволил им заржать в клаксон в знак возмущения. Город в утренних сумерках, разбавленных уличными фонарями, стекла в машине затемненные – Валентин не мог видеть его лица, но почувствовал, как он провожает Дарьяну масляными глазами. Неудивительно – ведь она даже в спортивном костюме смотрелась очень эффектно. Впрочем, Валентин уже привык, что его жена производит впечатление на мужчин. И к утренним пробежкам привык, и к вечерним тренировкам в спортивном зале, и ко всему, к чему его приучила вторая половина, помешанная на здоровом образе жизни...

Дарьяна шла впереди, а Валентин следовал за ней, как преданная собачонка. И со стороны могло показаться, что не он первая половина в их семейном дуэте, а его жена. Впрочем, в сущности, так оно и было...

Дарьяна приехала покорять Москву из Краснодара. Это произошло двенадцать лет назад, хотя готовиться к этому шагу она начала гораздо раньше. Во-первых, она раньше срока окончила школу, причем с золотой медалью, во-вторых, нацелилась на государственную финансовую академию с ее запредельным конкурсом при поступлении. Дарьяна училась на четвертом курсе, когда Валентин в нее влюбился, а она с ним познакомилась. Он сам к тому времени окончил физико-технический институт, работал на крупной фирме инженером-программистом. Спортивной фигурой он, может, и не отличался, но девушки считали его привлекательным. Он мог бы даже стать повесой, если бы не дремучая застенчивость, из-за которой он до двадцати трех лет оставался девственником.

Дарьяна стала его первой женщиной, но произошло это не сразу, а только в день их свадьбы. Почти год он ухаживал за ней, она отвечала ему взаимностью, но под венец не торопилась. Ему казалось, что она ждет для себя более успешной партии, но, видимо, таковой не нашлось, поэтому их отношения и узаконились браком. И, как это ни удивительно, в свои двадцать лет Дарьяна оказалась девственницей – Валентин стал ее первым мужчиной.

Мама возражала, уверяя, что Дарьяна вышла замуж не за него, а за московскую прописку. Но тем не менее она забрала к себе бабушку, чтобы освободить для новой семьи двухкомнатную квартиру в спальном районе столицы.

Дарьяна осталась в Москве, устроилась бухгалтером на то же предприятие, где работал и он. Компания занималась торговлей оружием – разумеется, на легальной основе: охотничьи карабины, спортивные винтовки, травматические пистолеты; может, потому и называлась она «Новая Эрра», в честь шумерского бога чумы и войны. Фирма владела своей частью рынка в Москве и с каждым годом наращивала обороты. Сейчас предприятие имело целую сеть магазинов и оптовых баз в масштабе страны и ближнего зарубежья, а ее владелец входил в число долларовых мультимиллионеров. И к своим двадцати семи годам Дарьяна умудрилась стать главным бухгалтером этой солидной компании, без преувеличения сказать, вторым человеком после генерального директора. Столь стремительной карьерой она обязана была своей умной голове и выдающейся самодисциплине, которую она возвела в ранг культа.

И еще ей пришлось выдержать испытание, которое устроил для нее начальник. Он инсценировал похищение Дарьяны, ряженые бандиты устроили ей допрос, пытаясь выбить из нее конфиденциальные сведения, которые она узнала накануне. Иголки под ногти ей не вставляли, не избивали, тем более не насиловали, но морально встряхнули. Проверку она прошла, свою преданность корпоративным интересам доказала. За что ее и подняли вверх по служебной лестнице... И все равно это было форменным безобразием, узнав о котором Валентин решил отправиться к генеральному директору и набить ему морду. Но Дарьяна его отговорила. Слишком опасно это, сказала она, и он ей поверил, потому что и без нее знал, насколько крут его начальник. Была у него информация, что Эдуард Антонович, помимо легального бизнеса, занимался еще и преступными махинациями. А точно он знал об одном таком эпизоде, когда в девяносто девятом году господин Тихоплесов поставил в Чечню крупную партию гранатометов для боевиков. Случайно узнал, настраивая компьютер начальника и наткнувшись на видеозапись, где бородатые боевики осматривали, а затем укладывали в машины противотанковое оружие. Сам Эдуард Антонович в кадр не попал, но Валентин ощущал его незримое присутствие. Тем более что видеокамера зафиксировала человека славянской внешности, которого Валентин не раз видел в офисе. Возможно, это был внештатный порученец Тихоплесова.

Валентин мог скачать компрометирующий видеофайл, но, во-первых, испугался, а во-вторых, просто не знал, что с ним делать. Ведь Эдуард Антонович на сделке не присутствовал, и взятки с него гладки. ФСБ, может, и возьмет за мягкое место его порученца, но сам генеральный директор останется при своем. А Валентин получил бы расчет и бесплатный совет положить полученные деньги на счет ритуальной службы, чтобы она затем организовала его похороны.

Не стал Валентин связываться с Тихоплесовым, струсил перед его могуществом. И очень быстро успокоился, когда узнал, что Дарьяна получила солидную компенсацию за моральные и физические страдания. А еще жене назначили совершенно немислимый оклад, который в двадцать раз превосходил его зарплату. Впрочем, ничего удивительного в том не было – ведь главный бухгалтер по роду своей деятельности владел секретами, которые могли отправить на скамью подсудимых его босса. Умение держать язык за зубами требовало особой доплаты, а, надо сказать, тайны Дарьяна хранить умела и не открывалась даже перед мужем. И это при том, что Валентин хотел быть в курсе всех ее дел, ведь он боялся за нее, переживал. Зато Дарьяну ее новая должность ничуть не смущала, и справлялась она со своей работой так, что в конце

года получила огромную премию, которой хватило бы ей на «Мерседес» представительского класса. Но машину она покупать не стала, а вложила деньги в долевое строительство элитного жилого комплекса, куда до этого уходила львиная доля ее зарплаты. Дом, кстати сказать, уже закончен, скоро его примет госкомиссия; к тому времени квартира будет полностью оплачена и можно будет вселяться. Но пока что им приходилось довольствоваться старой «двушкой», на что Дарьяна совсем не жаловалась – во всяком случае вслух.

Натура у нее такая, принимать все таким, каким оно есть, но с обязательным условием доработать и усовершенствовать. Поэтому Валентин и мучился сейчас на беговой дорожке. Бежала Дарьяна быстро, энергично, и ему приходилось напрягаться, чтобы поспевать за ней. Несмотря на свою внешнюю хрупкость, она всерьез считала, что склонна к полноте, поэтому изнуряла себя утренней зарядкой и вечерними упражнениями в спортзале. Не давала она пощады и Валентину, поскольку желала видеть в нем сильного и стройного мужчину. А сопротивляться он не мог.

Дарьяна никогда не повышала на него голос, но ей достаточно было посмотреть на него спокойным, пугающим своей невозмутимостью взглядом, чтобы у него отпала всякая охота спорить с ней. К тому же он любил свою жену, и все его физические страдания казались пустяком по сравнению со страхом ее потерять. Дарьяна тоже любила его и повода для ревности не давала; но женщина она своенравная, независимая, и Валентин всерьез подозревал, что их брак рухнет, как только она потеряет к нему интерес. Поэтому беспрекословно подчинялся жене, радуясь тому, что ее опека над ним позволяет ему держать себя в тонусе...

Дарьяна не любила делать что-то впосилы и во всем старалась выкладываться на всю катушку. Поэтому последние полкилометра она прошла в спринтерском темпе. Валентин бежал за ней, не чувствуя под собой ног от усталости, задыхаясь от нехватки воздуха, но все-таки не отстал от нее.

Она тоже устала, но держалась при этом бодро. Медленно, внутренне концентрируясь на своих ощущениях, подняла вверх руки, чтобы восстановить дыхание, выгнула спину. Валентин едва держался на ногах, ему хотелось просесть в коленях, согнувшись в поясе, руками опереться на землю, но из желания соответствовать Дарьяне он повторял за ней...

Но вот дыхание частично восстановлено, усталость больше не гнет к земле, и они могут отправляться домой. И, что самое приятное, пешком. Не любил он утренние пробежки, но ему нравилось после встряски возвращаться домой: теплое это чувство, уютное. И сегодня оно повторится, потому что вечером после работы их с Дарьяной ждет фитнес. Она будет заниматься своей аэробикой, а он, как обычно, займется боксерской грушей. И он должен выкладываться на полную, потому что Дарьяна этого хочет. Она может зайти к нему в зал, посмотреть, как он занимается. И если ей покажется, что он прохлаждается, вечером она может отказать ему в сладком. Есть в ее женском арсенале такое оружие – держать мужа на голодном пайке. А Дарьяна слишком хороша, чтобы отказывать себе в удовольствии в постели. И у него либидо такое, что не страшна никакая физическая усталость, и потребность есть хоть как-то и где-то владеть своей женой...

Еще в ранней юности Валентин занимался боксом, и, надо сказать, весьма успешно. Ездил на соревнования, брал призовые места, пока однажды не оказался в глубоком нокауте после страшного удара в нос. Это была боль, после которой у него напрочь пропало желание выходить на ринг. Потому он увлекся карате, успешно прошел стадию, где практиковался бесконтактный стиль поединков, неплохо держался и в свободных спаррингах, но только до тех пор, пока ему не выбили ногой челюсть. Перелома не было, но желание работать в полный контакт пропало совершенно. Какое-то время по инерции Валентин посещал тренировки, но со временем поставил крест и на этом своем увлечении. В институте он занимался самбо, особых успехов не добился, но продержался целых два года, пока в одном из поединков не сломал руку.

Не стал он признанным мастером рукопашного боя, не хватило ему характера, но кое-какие навыки он все-таки приобрел. И, надо сказать, с боксерской грушей он работал очень эффективно. Во всяком случае, Дарьяне нравилось наблюдать за ним. И чего уж греха таить, для того он и старался работать в полную силу, чтобы покрасоваться перед ней... Вот и сегодня вечером он изойдет семью потами, чтобы предстать перед ней во всей красе. А потом они будут возвращаться домой, уставшие и настроенные на отдых. А ночью Дарьяна сама предложит ему себя...

Было уже светло, когда они вышли к шоссе. На обочине, в нескольких шагах от пешеходного перехода, стоял черный «БМВ», но Валентин обратил на него внимание лишь после того, как из него вышли двое. Оба подозрительно смуглые, черноволосые, в кожаных куртках нараспашку. Не сказать, что атлетического сложения, но и на заморышей вовсе не похожи. Идут, скалятся, Дарьяну похотливыми взглядами лапают... Видно, что кавказцы. Но не грузины, не армяне, может, чеченцы или дагестанцы. У Валентина неприятно засосало под ложечкой.

– Девушка, а девушка, давай вместе бегать будем, – с легким акцентом сказал один, широколобый и кривоносый. – Ты убежать будешь, а мы догонять.

– А ничего, что я здесь? – чувствуя, как тяжелеют ноги, дрогнувшим голосом спросил Валентин.

– А ты кто такой? – окатив его презрительным взглядом, спросил второй, небритый, скуластый.

Валентин ощутил, как онемели руки... Он слышал, что кавказцы ведут себя нагло, вызывающе, но, признаться, это был первый случай в его жизни, когда их агрессивность пришлось примерить на себя. Да и вообще, за все время, что он жил с Дарьяной, это был первый случай, когда ему предстояло выяснить с кем-то отношения. Мирно протекала их совместная жизнь, без внешних конфликтов. И вдруг проблема, да еще оттуда, откуда ее никто не ждал. Если бы кавказцы появились где-нибудь в ресторане, где Дарьяна могла находиться в сексуальном платье для коктейлей, но ведь они пристали к ней на улице, где на ней обычный спортивный костюм. В нем она смотрится неплохо, но совсем не так броско, как если бы она была, например, в короткой тунике с открытыми ногами. Что это на нерусских нашло? Может, весеннее обострение на почве зимней неудовлетворенности?

– Муж я.

– Чей муж? – осклабился небритый.

– Ее муж. – Валентин взглядом показал на Дарьяну.

– На тебе денег, за грушами сбегай, да, – хохотнул широколобый, сунув руку в карман.

– Да нет, зачем за грушами? Пусть с нами бегают. Ты, красавица, убежать будешь, а мы – догонять. Кто тебя догонит, тот и вылюбит! – паскудно ощерился небритый.

От Валентина он находился на расстоянии вытянутой ноги. Можно было ударить его пяткой в пах, чтобы затем взяться за второго, вырубив его мощным кроссом в подбородок. В теории Валентин все это умел. Да и на практике мог показать класс, если бы перед ними стоял условный противник. Но это был реальный враг, злобные кавказцы, под куртками у которых могли находиться кинжалы или даже пистолеты. Одного он, может, и сумеет вывести из боя, но другой пырнет его кинжалом в живот, а затем отрежет голову... Да и одного Валентин не сможет вырубить, потому что ноги от страха вросли в землю.

Дарьяна, казалось, не обращала внимания на кавказцев, но с удивлением смотрела на Валентина. Она ждала от него реакции на столь скотское поведение со стороны нехристей. Ведь ей известно было, насколько грозным противником он был для боксерской груши... Как будто она не знает, что тренировочный снаряд не может ударить ножом в ответ или выстрелить из пистолета.

– Вас потом самих в СИЗО вылюбят, – растерянно, но все же с апломбом заявил Валентин. – Я сейчас в свой отдел позвоню, группу захвата вызову.

Он полез в карман, вытащил оттуда сотовый телефон.

– В какой отдел? – заметно напрягся небритый.

– В отдел милиции...

Валентин сделал вид, что уже набрал номер.

– Петров, ты?... Капитан Полунин. Давай-ка наряд на Свободы, срочно... Жду!

Страх, казалось, парализовал его ноги, но сознание не отключилось, и язык не отказал. И сцена, которую он разыграл, выглядела вполне убедительно. Об этом можно было судить по тому, как занервничали кавказцы.

– Эй, ты чего, капитан! Шуток не понимаешь? – ележно улыбнулся широколобый, в знак смирения выставляя вперед руки.

– Зачем нам бегать? Мы что, на спортсменов похожи? – наклонив голову вбок, заискивающе посмотрел на Валентина небритый.

– Я бы вам сказал, на кого вы похожи! – воспрял духом Валентин.

Он увидел, что широколобый шагнул назад, и гневно нахмурил брови.

– Стой! Сейчас наряд подъедет!

– Да ладно тебе, капитан, нормально все. Поедем мы.

Кавказцы сели в свою машину, кстати сказать, далеко не первой молодости, проехали мимо Валентина, фыркнув на него копотью из выхлопной трубы, с ревом умчались вдаль.

– А где наряд? – спросила Дарьяна, с насмешкой глянув на мужа.

Голос у нее мягкий, сочный, льющийся, но вопрос прозвучал жестко.

– Сейчас будет, – вымученно улыбнулся Валентин.

– Я думала, ты размажешь их по асфальту.

В ее словах не было презрения и осуждения, но констатация факта звучала достаточно сурово, чтобы Валентин слетел с пьедестала победителя.

– Драка – это последний аргумент. Во всяком случае для цивилизованного человека. Да и древние говорили: ушел от драки, значит, победил.

– Да, был у нас в школе один такой победитель, – пренебрежительно усмехнулась Дарьяна. – Его бьют, а он лицо руками закрывает. Его бьют, а он побеждает...

– Но меня же не били.

– Зато меня оскорбили... Ладно, проехали. Нормально все, – будто опомнившись, миролюбиво сказала Дарьяна. – Правильно сделал, что на хитрость пошел. Так и надо было... Пошли, капитан Полунин.

Она вроде бы согласилась, что Валентин не оплошал, но всю дорогу к дому она молчала. Ни слова не проронила она, пока готовила завтрак – овсяную кашу и морковный салат. Валентин, как обычно, помогал ей, поэтому ее молчание тяготило его.

Он чувствовал, что Дарьяна разочаровалась в нем, и от этого у него пропал аппетит. А ведь он любил хорошо поесть и не жаловал малокалорийные «здоровые завтраки», на которых настаивала Дарьяна. И еще сегодня у него в планах было рассказать, как завтракают норвежцы, что картофель у них подают в мундире и со шкварками, и еще по утрам они едят рыбу, приготовленную на сливочном масле. Хотел рассказать, но промолчал, потому что чувствовал за собой вину. И каши съел всего две ложки, а к салату даже не притронулся. Дарьяна это заметила и отреагировала.

– Ну что ж, самый здоровый завтрак – отсутствие такового.

Валентин с надеждой посмотрел на нее, думая, что сейчас она покровительственно улыбнется ему – но нет, даже не глянула в его сторону.

Рабочий день в их семье начинался сразу после завтрака. Они еще из дома не вышли, а между ними уже установились официальные отношения. Главный бухгалтер – большой чело-

век, а Валентин – всего лишь обычный инженер-программист. Может, он и нужный винтик в корпоративной системе, но Дарьяна все равно важнее. Поэтому после стандартных утренних процедур между ними выросла ледяная стена официоза. Может, таким образом Дарьяна настраивалась на работу, но Валентину вовсе не нравилось, что жена обращается с ним, как начальник с подчиненным.

Она могла купить себе дорогой «Мерседес», но не стала делать этого, потому что у нее был служебный «Лексус» и персональный водитель. Валентин мог бы ехать на работу вместе с ней, но Дарьяна отказывала ему в этом, всерьез считая, что такая практика недопустима. И ему приходилось добираться до работы на метро, что, надо сказать, было хоть и неудобнее, но быстрее...

И сегодня за ней прибыла машина, и она, гордая тем, что у нее такой высокий статус, сама отправилась на работу. А ведь могла хотя бы до станции метро подбросить.

Глава 2

Уставшие и довольные – так в двух в словах можно было охарактеризовать людей, выходящих из пассажирского терминала. Международный рейс, долгий перелет, регистрация, возня с документами, очередь за багажом – все это, конечно, утомляет, но какое счастье, что самолет удачно прибыл в пункт назначения, не разбился в пути, не развалился на посадочной полосе. Главное, что все живы, а усталость пройдет. Именно это и читалось на лицах пассажиров.

Но не все выглядели уставшими. Дарьяна, как обычно, выглядит свежо и бодро. Глаза у нее блестят, и не видно в них остаточного переживания. Потому что не боялась она лететь самолетом. Ведь ей свойственна уверенность, что ничего плохого с ней случиться не может. Беда может произойти с кем-то, но только не с ней.

Беда, похоже, произошла с Валентином, но Дарьяне и горя нет. Идет себе под ручку с многоуважаемым Эдуардом Антоновичем и тихонько радуется; походка у нее легкая, грациозная, но при этом она не похожа на сучку, виляющую хвостом перед кобелем. Не похожа, но... Непроста же Тихоплесов с ней.

Эдуард Антонович также не производил впечатления утомленного человека. Летний костюм на нем светлых тонов, пиджак нараспашку, но галстук затянут, что называется, под самый подбородок. Лысина блестит весело, будто торжествующе, в глазах молодецкий задор, на губах феерится улыбка. Валентину даже показалось, что у него на лбу стало меньше морщин. И живот как будто бы подобрался, и плечи стали шире... Пятьдесят лет Тихоплесову, но выглядеть он стал гораздо моложе, чем прежде. Уж не Дарьяна ли его омолодила?

– Валентин?! – увидев мужа, удивленно протянула она.

Но в замешательство не пришла, и улыбка стала ярче. И Тихоплесов ничуть не ступенчался, глянув на преградившего им путь Валентина.

– А-а, Полунин! – густым с хрипотцой голосом бравурно произнес он.

Но руку протянул ему вовсе не для приветствия. Он всучил ему свой кейс, как будто он был носильщиком. Впрочем, Валентин возражать не стал.

Дарьяна тоже отдала ему свой саквояж, но так и осталась под ручку с Тихоплесовым. И только красноречивый взгляд Валентина вразумил ее. Она отстранилась от босса, но и к нему вплотную не подошла. Встала между своим начальником и мужем, как тот камень преткновения. И хотя бы капелька смущения во взгляде появилась.

– Ты на машине? – обращаясь к Валентину, спросил Эдуард Антонович.

– Нет.

– Тогда извини, не могу оставить даму на тебя.

Тихоплесов забрал у Валентина кейс, но только для того, чтобы передать своему водителю. Забрал у него и Дарьяну, но чтобы оставить себе.

– Увидимся дома, – начальственным тоном сказала Дарьяна и как ни в чем не бывало под ручку с их общим боссом направилась к выходу.

Валентин стоял как оплеванный, глядя им вслед. Мимо него, впритирку, проходили люди, диктор объявлял регистрацию на рейсы, но он ничего не замечал и не слышал. Сейчас он мог видеть только то, как его жена уходит от него в сопровождении другого мужчины.

Очнувшись, он отправился вслед за Дарьяной, но остановить ее не смог. Да и не пытался. Тихоплесов открыл ей дверцу, помог сесть в салон своего «шестисотого» «Мерседеса», на заднее сиденье, куда устроился и сам. Они уезжали в Москву, и никому не пришло в голову, что Валентин мог бы поехать вместе с ними. Статусом он для этого не вышел. Статусом этим и ткнули его в грязь...

Валентин очень сомневался, что Дарьяна отправится домой. Сегодня воскресенье, в офис ехать не надо, а Тихоплесов мог увезти ее в свои хоромы на Рублевском шоссе. Говорят, он совсем недавно развелся со своей юной женой и теперь свободен...

Но, вернувшись домой, Валентин застал жену на кухне. В халате и фартуке она стояла у мойки, чистым полотенцем протирая посуду. И даже не обернулась, когда он подошел к ней.

– Плохо, Полуниин, очень плохо, – менторским тоном сказала она. – Нет у тебя порядка...

– Почему нет? – буркнул он. – Мама приходила, убиралась...

– Мама?! Значит, плохо убиралась.

– Это вряд ли.

– Ну, не знаю. Посуда не блестит, пыль на полках...

– Мы будем обсуждать мою маму?

– А ты предлагаешь обсудить меня? – обернувшись к мужу, язвительно улыбнулась она.

– Может, и предлагаю... Почему ты шла под ручку с Тихоплесовым? – угрюмо спросил он.

– Не вижу в этом ничего предосудительного, – отрезала она.

– Ты летела с ним в одном самолете.

– И что?

– Ты жила в одном с ним отеле.

– Да, но в разных номерах... Или ты сомневаешься? – Дарьяна осуждающе сощурила глаза.

– Нет, но... – замялся Валентин.

– Что – но? Если ты меня в чем-то подозреваешь, так и скажи... Ну, будь мужчиной! – Она не просто требовала, она провоцировала.

– Что сказать? – ступенчался он.

– Ну, что я проводила время в одном номере со своим боссом. Ну, чего ты молчишь? Или ты не мужчина?

– Так, может, и не было ничего, – совершенно растерялся Валентин.

– А если было?

– Да нет, не было...

– Тогда чего ты меня терроризируешь?

– Я не терроризирую...

– Ну да, чтобы терроризировать, хотя бы характер нужно иметь. – Ее губы скривились в пренебрежительной ухмылке. – А где твой характер, Полуниин? Почему ты не можешь говорить прямо?

– А ты можешь?

– Это не украшает человека, когда он отвечает вопросом на вопрос. Но и за отговорками прятаться тоже некрасиво, поэтому я скажу прямо. Мы с Тихоплесовым были на оружейном симпозиуме. Да, во Франции. Да, в Марселе. Да, в июне. Да, купались в море. Да, купались, но вместе не спали. Этого не было. Ты должен мне верить. – Дарьяна пристально посмотрела на Валентина, и он не выдержал, отвел глаза. – Ответ исчерпывающий?

– Э-э... А почему ты шла с ним под ручку?

– Я не шла с ним под ручку, как ты говоришь. Я просто опиралась на него. Ты должен был заметить, что мой багаж был немного тяжеловат для женщины.

– Он мужчина, он мог бы помочь.

– Он предлагал мне помощь, но я отказалась. Ты же знаешь, я не люблю, когда кому-то что-то должна, – с мягкой улыбкой, но жестким тоном отрезала Дарьяна.

– Знаю.

– И еще, если я тебе вдруг изменю, ты узнаешь об этом первым.

– Э-э... Но ты же не изменишь?

- Ты в этом уверен? – Голос ее прозвучал тихо, но при этом оглушающе.
- Ну, ты же меня любишь.
- Люблю, – не раздумывая, ответила Дарьяна.

И это успокоило Валентина. Но и разговаривать с женой больше не хотелось. После мажорной ноты вновь могла последовать минорная, а он и без того уже истерзал себя переживаниями. Он решил просто спрятаться от Дарьяны, ушел в комнату, чтобы побыть немного в тишине, собраться с мыслями. А потом он пойдет на кухню, они вместе будут готовить ужин, который затем запьют бутылочкой-другой вина.

Валентин устало опустил в кресло, смахнул с журнального столика пульт дистанционного управления, включил телевизор. Он нуждался в тишине, но это вышло у него автоматически.

На экране он увидел молодого, суровой внешности мужчину, черноволосого, с крупными залысинами. Среднего роста, худощавый, футболка на нем тесноватая, но не видно выпирающих мышц. Но при этой, казалось бы, неказистой комплекции мужчина производил впечатление физически очень сильного человека. Было в нем нечто такое, что настраивало на эту мысль. Лицо овальное, черты мягкие, но при этом казалось, что характер у него жесткий, колючий. И взгляд у него дерзкий, норовистый, крепкий и едкий, как концентрированная серная кислота. Смотрел он на мир хмуро, исподлобья. И враждебно. Хотя, как это ни странно, агрессии в нем не чувствовалось. Сила характера присутствовала, а наступательная злоба – нет.

Голова у парня опущена, руки сведены внизу живота, на запястьях Валентин заметил браслеты наручников.

«Капитан армейского спецназа Илья Цаплин обвиняется в убийстве шестерых мирных жителей Чечни». – Обличающий голос за кадром объяснил ему, что это за человек и почему он находится под арестом.

Тут же на экране высветился следующий персонаж, такой же невысокий и худощавый парень. Волосы рыжие, коротко постриженные, но видно, что жесткие и мелкокучерявые. Верхушка головы широкая, но форма ее треугольная, и подбородок необыкновенно узкий. Черты лица мелкие, необычно резкие, нос длинный, заостренный. Что-то лисье в этом человеке, хитрое, ненадежное. Некрасивая внешность, можно даже сказать, уродливая, но его это, казалось, ничуть не смущало. Взгляд у него задиристо-наплевательский, на губах ядовито-брезгливая улыбка. Он презирал весь мир, но только не себя.

Вслед за ним камера показала немолодого уже мужчину, среднего роста, сухощавого, крепкого, поджарого, в отличной физической форме. Этот относился к своему подневольному положению с философским спокойствием, и казалось, думал только о том, чем будут его сегодня кормить на ужин, а все остальное – пустяки, даже то, что его позорят на всю страну. В глазах легкая ирония, на губах спокойная улыбка, которой он высмеивал свою беду.

На экране появилось новое действующее лицо. Это был атлет с могучими плечами; мощная грудная клетка, защищенная накачанными мышцами, сильные мускулистые руки. Голова крупная, наголо бритая, лоб выпуклый, заостренный – казалось, что лобная кость неправильно срослась над переносицей. Надбровья тяжелые, низкие, будто бронированные щитки над танковыми гусеницами, глаза глубоко посажены, со стороны казалось, что они спрятаны за горизонтальными бойницами дзотов. Массивный приплюснутый нос, выступающая вперед нижняя челюсть, широкий скошенный подбородок. Выглядел этот человек очень внушительно, но при этом совсем не казался страшным, угрожающим. Взгляд у него колкий, но добродушный, располагающий к общению.

«Капитан Цаплин, старший лейтенант Медник, прапорщик Теплов, лейтенант Варенцов и прапорщик Казымов в окрестностях чеченского поселка расстреляли из бесшумного оружия шестерых местных жителей, причем все они были убиты с особой жестокостью, – вещал репортер. – Пятеро потерпевших были добиты выстрелами в затылок, а шестая жертва, местная

жительница Асет Усманова, была взорвана ручной гранатой наступательного типа. Как полагают следователи, это было сделано для того, чтобы скрыть следы насильственных действий сексуального характера, произведенных обвиняемыми».

В кадре появился и пятый преступник – насколько понял Валентин, прапорщик Казымов. Это был парень лет двадцати пяти с характерным для татарина разрезом глаз. Аккуратная прическа волосок к волоску, безмятежное выражение лица, мягкая, совершенно лишенная какой-либо раздраженности улыбка.

Глядя на этого человека, трудно было поверить, что он совершил зверское убийство.

В комнату тихонько зашла Дарьяна.

– Что интересное смотришь? – спросила она.

– Да вот, спецназ судить собираются. Шестерых чеченцев убили. Пятерых в затылок застрелили, а девушку гранатой взорвали. Сначала изнасиловали, а потом гранатой...

– Где это было, в Чечне?

Валентин заметил, что Дарьяна с интересом смотрит на капитана Цаплина. Будто мужчину своей мечты увидела. И такая ревность в нем зыграла, что он переключился на другой канал.

– Про поселок чеченский говорили.

– Они туда по туристической путевке приехали? – спросила она.

– Да нет, они же военные, а там война.

– Значит, они воевали. А я думала, развлекаться приехали, – не без сарказма усмехнулась Дарьяна.

– Ну, развлекались они или нет, но шестерых мирных жителей убили.

– А мирных ли?

– Ну, говорят, что мирных.

– Сказать все, что угодно, можно. Может, это боевики были?

– Да, и девушка с ними...

– А девушка могла быть снайпером.

– Не знаю. Чеченцы – такие же граждане Российской Федерации.

– Да? А если эти граждане меня бы, например, похитили, что бы ты сказал? – ехидно спросила Дарьяна.

– Ну, не знаю, – замялся Валентин.

– Что ты не знаешь? – наседала она.

– Ну, это же домыслы. Никто тебя не похищал... Может, эти были боевиками, – жалко вздохнул он.

Как обычно, не вышло у него устоять перед натиском жены. А ведь так хотелось иметь собственное мнение.

– Вот и я о том же, – кивнула она. – Может, ребята ни в чем не виноваты. А если виноваты, то лишь в том, что воевали. Тебе этого не понять.

– Почему мне этого не понять? – возмутился Валентин.

– Потому что ты в армии не служил.

– Так я в институте учился. И потом, я лейтенант запаса, офицер. Готовый, так сказать, специалист. Будет мобилизация, призовут – пойду воевать. Поверь, дома отсиживаться не буду!

– Верю.

– А если ты против чеченцев, то не меня дергать надо, а Тихоплесова! – распалился Валентин.

– При чем здесь Тихоплесов? – недоуменно повела бровью Дарьяна.

– Да при том! Он оружие в Чечню поставлял! Чеченским боевикам!

– Кто тебе такое сказал? – сурово спросила она.

- Сам знаю... – поплыл под ее взглядом Валентин.
- Откуда?
- Ну, видел...
- Что ты видел?
- Ничего, – пошел на попятную он, вспомнив, что Дарьяна не только жена, но еще и особо приближенный к Тихоплесову, а значит, потенциально опасный человек.
- Хотел настроить ее против босса, но сдуру раскрыл тайну, которую боялся доверить даже своей матери. Так ведь и в ошип недолго попасть...
- То есть ты что-то знаешь, но мне сказать не хочешь? И тебе все равно, что я работаю главным бухгалтером в компании, которая занимается незаконной торговлей оружием? И тебе все равно, что меня могут посадить в тюрьму? – возмущенно смотрела на него Дарьяна.
- Нет, не все равно, – растерянно мотнул он головой.
- Тогда почему ты не хочешь рассказать мне правду? Если Тихоплесов действительно занимается незаконным бизнесом, то мне лучше уволиться, ты не находишь?
- Ну, в общем, да... У Тихоплесова в компьютере видеофайл был, там чеченцы гранатометы в машины грузят...
- На видео снято?
- Да.
- И Тихоплесов на этом видео?
- Нет. Его в кадре не было. Но я видел его человека.
- Кого именно?
- Я не знаю, как его зовут. Он у нас в штате не числится, но я его в офисе видел. Ушастый такой, бровастый, нос крючком, и лицо вытянутое, как у гоблина... И еще глаза прохиндейские. И всегда куда-то спешит...
- Не знаю такого.
- Да, но я видел, как он из кабинета Тихоплесова выходил.
- Значит, прохиндея этого ты в кадре видел, а Тихоплесова нет?
- Нет.
- А почему ты думаешь, что там чеченцы были? Они что-то говорили?
- Не знаю, может, и говорили, но я только фрагмент записи видел.
- И где эта запись?
- У Тихоплесова в компьютере осталась.
- Себе точно не скачал?
- Нет... Так ты за меня или за себя переживаешь?
- За тебя прежде всего... Значит, Тихоплесова в кадре не было и самой записи у тебя нет?
- Не было. Нет.
- Тогда все это пустой разговор.
- Ты мне не веришь?
- Я, может, и верю. Но кто другой поверит?
- А меня другие не интересуют. Мне нужно, чтобы ты мне верила... Я не удивлюсь, если Тихоплесов и сейчас боевым оружием занимается.
- Если бы это было, я бы знала.
- Может, эти его дела мимо твой бухгалтерии проходят. Может, у него этим другая фирма занимается? И называется она «Черная дыра».
- Все может быть, – засомневалась Дарьяна.
- Увольняться тебе надо.
- Ты хоть сам понял, что сказал? Где я еще такую работу найду?
- Можно и не такую, можно попроще. Пусть платить будут меньше...

– Хватит, – отрезала она. И, немного подумав, куда мягче сказала: – Ты передо мной сегодня провинился. И порядка в доме нет, и обед не приготовлен...

Валентин удрученно склонил голову. Он знал, что Дарьяна прилетает сегодня, когда, каким рейсом. Но действительно не позаботился об обеде, потому что увлекся компьютером.

– Опять в Инете сидел? – милостиво спросила она.

– Ну, с утра...

– Может, всю ночь?

– Да нет.

– Удивительно, как меня догадался встретить... Ладно, раз уж ты не позаботился об ужине, то ведешь меня сегодня в ресторан.

Возражать Валентин не стал. Более того, с восторгом воспринял это предложение. Ведь если Дарьяна хочет в ресторан, значит, в Марселе она не гуляла, а прилежно сидела по вечерам в своем номере. Логика, может, и небезупречная, но Валентин хотел, чтобы все было именно так. Дарьяна должна принадлежать ему, и только ему...

Глава 3

Эдуард Антонович курил, расслабленно откинувшись на спинке кресле. Тлеющая сигара изящно сжата двумя пальцами, голова запрокинута вверх, губы вытянуты трубой, из которой кольцо за кольцом выпыхиваются клубы густого табачного дыма... Он один у себя в кабинете, и Валентина это радовало. Больше всего он боялся, что с ним может быть Дарьяна.

Он чувствовал, всем своим существом чувствовал, что над его семейной жизнью навис большой медный таз. Было у него подозрение, что Дарьяна путается с боссом. Он не мог допустить, чтобы их отношения зашли достаточно далеко, поэтому принял контрмеры.

Когда-то Валентин был единственным компьютерщиком на фирме, но с тех пор штаты разрослись, и теперь на «Новую Эрру» приходилось целых четыре специалиста такого уровня. Сетевое, базовое, информационное, почтовое администрирование, создание, сопровождение и обслуживание компьютерных программ, создание и дизайн веб-сайтов... Со всем этим Валентин мог справиться и сам, если бы он мог работать двадцать четыре часа в сутки не уставая. Но так как он не в состоянии был разорваться на части, то в компании был создан целый отдел компьютерного обеспечения. Увы, его возглавил человек со стороны, а Валентин так и остался рядовым сотрудником. Впрочем, у него все равно остался доступ во все кабинеты офиса, ко всем рабочим компьютерам. Смог он пробраться и к Тихоплесову. И ему совсем не трудно было сделать так, чтобы веб-камера передавала изображение на его монитор.

Рабочий день закончился, офис уже опустел. Тихоплесов уже отпустил свою секретаршу, и сейчас он в кабинете один. Дарьяна у себя, возможно, делает вид, что занята внеурочной работой. Возможно, она уже на пути в кабинет к боссу, чтобы доказать, как горячо она ценит его признание и заботу. Именно поэтому Валентин не уходил – он ждал, когда Тихоплесов приласкает его жену. Он, конечно, не побоится принять меры – ворвется в кабинет к начальнику, возможно, даже врежет ему по морде. Возможно... Но будет лучше, если ничего не произойдет. Ведь не было же вчера ничего. И позавчера тоже. Сколько раз Дарьяна была в кабинете у босса, и всякий раз они демонстрировали исключительно деловые отношения... Может, у него просто мания и ему нужно лечиться?...

Дверь открылась, и на пороге в пепельно-розовом цвете заходящего солнца появилась Дарьяна. В строгом деловом костюме, официальная, неприступная, но, как обычно, женственная и красивая. Вздвигнув от неожиданности, Валентин щелкнул кнопкой мыши, скрывая веб-изображение Тихоплесова.

– Чем ты там занимаешься? Порно смотришь? – спросила она вроде бы шутливо, но с непроницаемым лицом.

– Э-э, нет, конечно! – растерянно мотнул он головой, поднимаясь с кресла.

– Да ты сиди, я же тебе не начальник.

– Да нет, это у меня ноги затекли, – сказал он, потягиваясь, с плохо скрытыми оправдательными нотками в небрежном с виду тоне.

– Домой иди, отдыхай.

– А ты?

– У меня еще работа.

– И Тихоплесов еще у себя.

– Ты следишь за ним? – как о чем-то банальном спросила она.

– Я?! Слежу за ним?! – растерянно протянул он.

– А разве нет?

Не успел он опомниться, как Дарьяна оказалась за компьютером, выдернула с нижней панели рабочего стола спрятанный видеофайл – а там Тихоплесов во всей своей красе.

– Ну и как это называется? – насмешливо, но без возмущения спросила она.

– Э-э...

– Ждешь, когда я попаду в этот кадр?

– Нет, конечно...

– Ждешь. А я не попаду. Потому что здесь, в офисе, у нас с Тихоплесовым исключительно деловые отношения.

– Здесь?! В офисе?! – встрепенулся Валентин. – А не в офисе?

– Хороший вопрос, – глядя ему в глаза, грустно улыбнулась Дарьяна.

– А ответ? – холодея от дурного предчувствия, пробормотал он.

– Ответ тебе не понравится.

– Почему?

– Потому что я от тебя ухожу, – сочувственно развела она руками.

– Как уходишь? Куда уходишь?

– Куда уходят, когда умирают? На тот свет уходят. А я живу. И ухожу не куда, а к кому.

К другому мужчине.

– К Тихоплесову? – Да.

– Я его убью! – сжимая кулаки, взвыл Валентин.

– Не сможешь.

– Смогу!

– Ну, давай, иди!

Дарьяна подошла к двери, открыла ее, рукой указала направление.

– Чего же ты ждешь?

– И пойду!

В пылу негодования он вышел в коридор, но смог сделать только несколько шагов. От сильнейшего душевного волнения у него закружилась голова, затяжелели ноги, а сердце, казалось, взбесилось – колотилось так, что едва не выпрыгивало из груди, но при этом отказывалось качать кровь. Валентин остановился, одной рукой оперся о стену, другую приложил к взмокшему лбу.

– Тебе плохо? – забеспокоилась Дарьяна.

Она обняла его сзади, помогла зайти обратно в кабинет, усадила в кресло. И даже включила электрочайник.

– Скажи, что мне все это привиделось, – умоляюще посмотрел на нее Валентин.

– Нет, я правда от тебя ухожу. И поверь, мне очень жаль...

– Да, я знаю, что у меня много недостатков. Я знаю, что испугался тогда – ну, перед этими, нерусскими...

– При чем здесь это?

– Ты надеялась, что я буду тебя защищать. А я тебя подвел, не оправдал твоих ожиданий... Женщины любят сильных, а я слабый... Но я стану сильным. Я тебе обещаю...

– Но уже поздно, – печально, даже с болью за него, но все-таки беспощадно сказала Дарьяна. – Все уже решено.

– Но почему?

– Потому.

– Тебе не нравится мой статус?... Да, ты стесняешься меня. Даже перед водителем своим стесняешься. Поэтому на работу и с работы я добираюсь сам.

– Я тебя не стесняюсь, – убедительно сказала она.

– Ты – главный бухгалтер крупной фирмы, а я всего лишь рядовой работник, да?

– Заметь, ты сам это сказал!

Валентин вздрогнул, увидев Тихоплесова. Он стоял в дверях, опираясь плечом о косяк, перебросив одну ступню через другую. На губах пренебрежительная улыбка.

– Ты неплохой парень, Валя. Но Дарьяна для тебя слишком хороша. Слишком!

Обычно его густой, глубокий бас обладал мягкой, почти не осязаемой, но все-таки парализующей силой. А сейчас он взбесил Валентина.

– Да я! Тебя!

Он вскочил с кресла, бросился на своего бывшего уже босса. Ему бы размахнуться, чтобы со всей силы ударить его в лицо, но Валентину не хватило решительности. Он всего лишь схватил Тихоплесова за грудки, за что тут же поплатился. Лоб противника надвинулся на него с немыслимой скоростью, в голове что-то взорвалось, в глубине глаз вспыхнули кроваво-красные огни...

В себя Валентин пришел только на полу. Он сидел, выпростав перед собой ноги, опираясь на выставленные назад руки. А Тихоплесов стоял перед ним и торжествующе улыбался. Дарьяны же нигде не было видно. Похоже, она решила избавиться от столь ужасной сцены.

– Ты неудачник, Полунин, – морально добивал его Эдуард Антонович. – Ты даже не медяшка, ты жалкий кусок дерева. А твоя Дарьяна – это бриллиант, и твоя оправа ей совсем не подходит. Ей золото нужно как минимум...

– Ты не золото! – сквозь зубы процедил Валентин.

– Я – платина. Но с тобой я об этом разговаривать не буду. Скажу только, что ты уволен. За то, что следил за мной... И зато, что рылся в моем компьютере... Или ты думал, что тебя, идиота, не вычислят? – злорадно ухмыльнулся Тихоплесов. – Ты – идиот. Поэтому тебя и вычислили. Ты – идиот. Поэтому ты мог не дожить до сегодняшнего дня. Но я человек добрый. И справедливый. Я забираю у тебя жену, а ты взамен получаешь жизнь. Спасибо можешь не говорить...

Он повернулся, чтобы уйти, но только сделал шаг, услышал, как Валентин назвал его козлом.

– Что ты сказал? – резко развернувшись, в бешенстве спросил он.

Но этим дело не ограничилось. Подскочив к своей жертве, Тихоплесов ударил его ногой в живот.

Валентин корчился от боли, но все-таки смог озвучить собственные мысли.

– Я тебя убью! – процедил он вслед разлучнику.

– Что?! – снова разворачиваясь к нему, еще более свирепо спросил Тихоплесов.

Но на этот раз он не стал бить Валентина. Он приблизился к нему, чуть согнулся в поясе, руками упершись в свои колени, пристально посмотрел на него.

– Ты хоть понял, что сказал?

Валентин не смог выдержать его тяжелый, злоеющий взгляд, опустил голову. Но Тихоплесов не принял его капитуляцию. Похоже, он жаждал тотального уничтожения.

– Ты *мне* это сказал! Ты *меня* угрожаешь убить!.. Ты даже не представляешь, что натворил!

– Я... Я не хотел, – схватившись за голову, с ужасом смотрел на него Валентин.

Леденящий страх сковал его изнутри, он чувствовал, что жить ему осталось совсем чуть-чуть...

Но Тихоплесов не стал его убивать. Он позвал охрану и велел вышвырнуть Валентина из офиса, как случайно забредшего туда шелудивого пса. И Дарьяна даже не попыталась заступиться за него.

Предала его Дарьяна. Мало того, что ушла к Тихоплесову, еще и рассказала ему о видео-файле, который Валентин обнаружил на его компьютере. Именно это имел в виду Эдуард Антонович, когда называл причину, по которой он увольнял Валентина. «И за то, что ты рылся в моем компьютере...» За одно только это он мог его убить. И плюс угроза, которую Тихоплесов озвучил на прощание. «Ты даже не представляешь, что натворил...» И это были не просто слова. Валентин понимал, что за свою неосторожность он должен расплатиться жизнью...

Страх перед Тихоплесовым оказался настолько велик, что в тот же вечер, сняв со счета всю свою наличность, Валентин отправился на вокзал и попытался взять билет на поезд в южном направлении.

Август месяц – время отдыхать. Всего через неделю они должны были с Дарьяной отправиться в отпуск на Черноморское побережье, но не судьба... Что ж, теперь он отправится на юг один, без нее. Там он придет в себя, забудется среди легкомысленных пляжниц, а заодно переждет время... Выстояв длинную очередь, он немного успокоился и привел себя к мысли, что Тихоплесов не такой уж и дурак, чтобы сводить счеты с человеком, которого в грош не ставит. Возможно, он сгоряча и отправил за Валентином своих горилл, но те не смогут выполнить задание, потому что банально не найдут его. А со временем Тихоплесов успокоится и обязательно отменит задание. Ведь он же не глупый, чтобы убивать человека, у которого увел жену. Ведь сразу же станет ясно, что стоит за этим убийством... И того, что Валентин знает опасную тайну о нем, тоже бояться нечего. Ведь уже почти два месяца прошло с тех пор, как он открылся Дарьяне, а та в свою очередь рассказала все своему любимому боссу. И никаких репрессий не последовало, потому что, кроме голых предположений, никаких доказательств у Валентина не было.

Он отстоял очередь, но билет купить сразу не смог: слишком уж загруженным оказалось южное направление. Часа два он простоял у кассы, но все-таки добился своего: кто-то сдал билет на адлерский поезд, и он смог его перекупить.

Правда, это был билет на СВ и стоил дороже, чем просто в купе, но Валентин не пожалничал. И скоро пожалел. Не себя, а человека, который отказался от своего места. Если тот, конечно, был мужчиной, чего Валентин знать не мог, поскольку покупал билет через компьютер в кассе. Дело в том, что в одном с ним люксе оказалась немолодая уже, но красивая и еще свежая, в тонусе женщина, к тому же с головой погруженная в курортное настроение...

Зрелая красавица одарила его своим вниманием и даже сама намекнула, что знакомство в двухместном купе лучше всего начинать с бутылочки коньяка, поскольку шампанское и тем более пиво не очень удачный вариант во время пути. Коньяк Валентин взял в вагоне-ресторане, а закуску организовала спутница. Он пил и любовался своей соседкой, ничуть не ощущая вины. Дарьяна сейчас в постели со своим новым мужчиной, и у него нет перед ней никаких обязательств. Увы, нет...

Женщина разомлела от спиртного, раскрепостилась, и сама, казалось, готова была наброситься на Валентина. Но он совершил непростительную ошибку – нарюмкался так, что заснул еще до того, как спутница под села к нему. А довел он себя до такого состояния потому, что захотел забыться. Понял, что никто не нужен ему в этой жизни, кроме Дарьяны...

Глава 4

Солнце, пальмы, море – это на юге. Серое небо, холодный ветер, моросящий дождь – это в Москве. Что там тоска, что здесь... Валентин стоял у окна, с высоты восьмого этажа невидяще смотрел на парк, где он когда-то бегал по утрам с Дарьяной. Вернуть бы те времена, но, увы, это невозможно.

Нет Дарьяны, и в шкафу пусто, потому что она забрала свои вещи. На трюмо нет ее баночек-скляночек с кремами, пузырьков с духами...

Плохо Валентину одному, ничего не радует. И три недели в Сочи никакого удовольствия не принесли. Снял угол в частном секторе; как зомби, бездумно ходил на море загорать и купаться; питался как попало, с девушками не знакомился – не хотел. А сами они особо не напрашивались; видимо, их отпугивала его постная физиономия...

Почти каждый день он звонил маме, наигранно бодрым голосом сообщал ей, как хорошо им отдыхать с Дарьяной... Страшно было подумать, что начнется, узнай она о разводе. «Я же говорила!..», «Я всегда знала!..», «Мать всегда права!..» А ведь когда-нибудь это начнется. И так на душе тошно, хоть с восьмого этажа вниз...

Из раздумий его вывел едва слышный шорох в прихожей. Кто-то своим ключом открыл дверь, проник в квартиру... Или отмычкой?! Внутри у Валентина все заледенело. Ведь это мог быть киллер, который только и ждал, когда он вернется... А он находился в гостиной, и у него даже ножа кухонного нет, чтобы защититься. Есть только дубовая табуретка с круглым сиденьем, она легкая, но если обрушить ее супостату на голову, мало тому не покажется...

Валентин нагнулся, чтобы взять табуретку за низ ножки, и в это время в комнату вошла Дарьяна. Как всегда ухоженная «от» и «до», красивая до головокружения. Ухоженная и красивая не для него... Стильное шерстяное платье на ней персикового цвета, летние сапоги на шпильке, сама стройная, подтянутая. На губах печальная улыбка, руки скромно опущены вниз.

– Зачем тебе табуретка? – спросила она, похоже, для того, чтобы с чего-то начать разговор.

– Во-первых, здравствуй, – пытаюсь скрыть нечаянную радость, надулся он.

– Да, конечно... Ты кого-то боишься?

– Да, я думал, меня могут убить, – кивнул он.

– Кто?

– Ты... Ты меня убила своим появлением.

– Только падать не надо.

– Да ты не беспокойся: мой труп – уже не твоя забота.

– Ты похож на ослика Иа-Иа, – совсем не обидно засмеялась она.

– Да, на ослика, который потерял свой хвост... Он, конечно бы, хотел, чтобы хвост вернулся к нему. – Он с надеждой посмотрел на Дарьяну.

– Я никогда не была твоим хвостом, – покачала она головой. – Но сравнение приму... Ты хочешь, чтобы я к тебе вернулась?

– Да.

– После того, как я тебе изменила?

– Я тебя прошу.

– Не нужно меня прощать. Я этого не заслужила. И к тебе не возвращусь.

– Зачем ты пришла?

– Ты должен подать заявление в ЗАГС на расторжение брака.

– А если я не согласен?

– Тогда нас разведут через суд.

– Ты выйдешь замуж за Тихоплесова?

- Да. Он сделал мне предложение.
- Ты с ним спишь?
- Зачем ты это спросил? – нахмурилась Дарьяна.
- Валентин в ответ нервно пожал плечами, опустил голову.
- Нет, я с ним не сплю. Но это ничего не значит. Это всего лишь мой принцип – никакой близости до свадьбы.
- Хороший принцип, – уныло вздохнул Валентин, вспомнив их брачную ночь.
- Дарьяна была молодой и неопытной, но и он совершенно не умел обращаться с женщиной в постели. Они учились вместе, на собственных ошибках. Сейчас она умела многое, и вряд ли Тихоплесов разочаруется в ней...
- Может быть... Только Эдуард не хочет ждать, он спешит со свадьбой.
- Его проблемы.
- Это наши общие с ним проблемы, а ты нас задерживаешь. Ты должен был подать заявление в ЗАГС, а вместо этого уехал в Сочи.
- Я ничего никому не должен, – буркнул он. И, спохватившись, настороженно покосился на Дарьяну. – Откуда ты знаешь, где я был?
- Ты смеешься надо мной? – удивленно повела она бровью. – Ты купил билет на поезд Москва – Адлер, в железнодорожном компьютере остались твои данные. Дальше объяснять?
- Да, но чтобы узнать эти данные, нужно проявить любопытство.
- Я проявила, а Эдуард мне помог...
- А почему в Сочи? Может, я в Туапсе вышел.
- Может, и в Туапсе. Но это же нюансы.
- Но я отдыхал в Сочи. И ты это знаешь. И он это знает.
- Мне кажется, что ты его боишься, – насмешливо сказала она, многозначительно глянув на табуретку. – Ты, наверное, думал, что это киллер к тебе пришел?
- Нет, – сконфуженно сник Валентин.
- А мне кажется, что да. Потому и в Сочи удрал. Но ты не бойся, никто тебя не тронет...
- Если я подам заявление в ЗАГС? – невольно вырвалось у него.
- Я этого не говорила... Сам подумай, зачем Эдуарду связываться с тобой?
- Будет он об меня мараться, да? – ехидно усмехнулся он.
- И этого я не говорила... – недовольно смотрела на него Дарьяна. – Ты же не грязь, чтобы о тебя мараться. Ты человек. Маленький, но человек.
- А он большой человек, да?
- Ты хочешь услышать от меня то, что сам прекрасно знаешь. Это не вопрос, можешь не отвечать... Не нужен ты Эдуарду, не тронет он тебя...
- Ты рассказала ему про видеофайл в компьютере? Ну, который я нашел.
- Да, был разговор, – как о чем-то само собой разумеющемся сказала она.
- Зачем ты ему это сказала? – схватился за голову он.
- Мне нужно было знать, что он ответит.
- Он сказал, что ничего не было.
- Нет, файл действительно был. Но держал он его в своем компьютере как компромат на того человека, которого ты видел в кадре. И который работает на него... В общем, Эдуард к этой истории с оружием не причастен. И ты можешь не волноваться, никто сводить с тобой счеты не станет. Да и не такой Эдуард человек...
- А какой он человек – добрый и порядочный?
- Может, и не ко всем добрый, но точно не злой. И в чем-то очень порядочный.
- В чем?
- Если хочешь, я напишу про него оду в прозе и сброшу тебе на «мыло».
- Может, лучше побережешь силы?

– С твоего позволения... Но тебе, извини, придется немного потрудиться. Ты должен написать заявление в ЗАГС, – просительно посмотрела на Валентина Дарьяна.

– Я же сказал, что не должен.

– А я говорила, что в таком случае нас разведут через суд. И, поверь, тогда ты ничего не получишь от квартиры из нашего долевого участия. Ну, почти ничего, максимум процентов десять. Ведь зарплата у меня выше твоей более чем на порядок. Так что делай выводы.

– Плевать я хотел на эту квартиру!.. Это у тебя одна корысть на уме!

– Это не корысть, – с упреком, сухо сказала она. – Это прагматизм.

– Что в лоб, что по лбу.

– Мне кажется, ты напрашиваешься на комплимент. – Дарьяна предостерегающе посмотрела на него.

– Сейчас ты расскажешь, какой я неудачник.

– Нарвался... Но рассказывать я ничего не буду. Ты сам это знаешь. И я тоже.

– Ну, извини, что я такой! – в запальчивости воскликнул Валентин.

– Может, обойдемся без истерик? – поморщилась она.

– А может, обойдемся без развода?

– Увы.

– А может, все-таки обойдемся?

– Нет.

– Ты меня убиваешь.

– Значит, заявления не будет?

– Увы, – ее же словом ответил он.

– Что ж, придется обращаться в суд... Прощай!

Она повернулась, чтобы уйти, но Валентин не мог ее отпустить. Слишком сильно он любил ее. Он стремительно нагнал ее, ладонями порывисто, но мягко взял за плечи, заставил остановиться.

– Что такое? – не оборачиваясь, напряженно спросила она.

– Не уходи.

– Давай обойдемся без сцен! – достаточно резко сказала она.

Но тем не менее даже телом не подалась вперед, чтобы продолжить движение.

– Тебе не нужно было приходить.

– Я это уже поняла.

– А ты пришла. И ты не можешь так просто уйти.

– Почему?

– Потому что у тебя принципы. Потому что у тебя воспитание. Только с мужем, и больше ни с кем. А я твой муж. Я!..

– Это уже формальность.

Он почувствовал, как мелкая дрожь пробежала по ее телу. И напрягалась она в ожидании момента, когда можно будет расслабиться... Он знал, что все это значит. Ведь если ей верить, то у нее почти месяц не было мужчины. А он хотел ей верить...

– Вовсе нет... Это наш дом, мы здесь одни. Ты должна остаться. Ты должна остаться со мной...

– Но мне нужно идти.

Она мотнула головой, но вместо того чтобы подать тело вперед, шагнула назад, спиной прижавшись к его животу. И голову запрокинула так, что волосы растеклись по его правому плечу.

– Ты же знаешь, нам всегда было хорошо вместе.

– Это было в прошлом, – тихонько, с чувственным придыханием сказала.

– Ты в этом уверена?

- Отпусти меня.
- Я пытаюсь тебя отпустить, но не могу.
- Ты должен меня отпустить, – прошептала она.
- Не должен...

Платье на ней из нежной шерсти, мягкое, подол задирался легко. Лето на улице, не время для колготок. Но вместе с тем пасмурно там, прохладно, поэтому на Дарьяне чулки телесного цвета, без подвязок, на силиконовой резинке... А трусики маленькие, кружевные, можно сказать, символические...

- Что ты делаешь? – протестующе зашипела Дарьяна.

Но даже не попыталась вырваться, когда его пальцы пролезли под резинку трусиков.

- Угадай.
- Так нельзя...
- Можно. Только мне одному и можно. Потому что я твой законный муж.
- Все равно нельзя...

Платье снималось легко, и Дарьяна даже подняла руки, чтобы помочь ему. А когда осталась без бюстгалтера, инстинктивно закрыла грудь руками, но Валентин тут же заставил ее их опустить. Он знал, как нравится ей, когда его пальцы бабочками порхают вокруг ее сосков, легонько задевая твердеющую нежно-розового цвета плоть. Так он и поступил, ожидая, что Дарьяна полностью расслабится в его объятиях. Она приняла его ласку, но напряжение в ее теле осталось. И страстных вздохов не было, и ноги у нее плотно сомкнуты. Она всего лишь позволяла пользоваться собой, не поощряя, а, напротив, осуждая себя за это. Валентин чувствовал это, но не мог остановиться...

– Не надо, – едва слышно пробормотала, когда он уложил ее на диван, перегнув через мягкий подлокотник.

- Уже поздно, – прошептал он ей на ухо, раздвигая ноги.

Она и сама это поняла, содрогнувшись от проникающего толчка... Ей больше ничего не оставалось делать, как расслабиться...

Нет, он не насиловал ее. Ведь Дарьяна не сопротивлялась, к тому же, вне всякого, ей нравилось, что происходит с его подачи. Но все-таки она лежала под ним как бревно, с закрытыми глазами, с сомкнутыми губами. И когда все закончилось, сразу же поднялась. А ведь в прежние времена она любила в томлении понежиться в постели.

Ничего не говоря, она ушла в спальню, вышла оттуда, обернувшись чистым баннным полотенцем, подобрав с пола платье и брошенное белье, скрылась в ванной комнате. Ее не было около получаса, и все это время Валентин лежал на диване, невидяще глядя в потолок. Он казнил себя за то, что совершил. Но в то же время он гордился собой, потому что смог бросить вызов Тихоплесову. Ведь, как это ни прискорбно, Дарьяна была его женщиной...

Дарьяна тихонько зашла в комнату.

- Ты хоть понял, что сделал? – беззлобно, хотя и осуждающе спросила она.

Лицо непроницаемое, в глазах – морозные просторы Арктики.

Валентин почувствовал себя страусом, испытывающим потребность сунуть голову в песок.

- Ты можешь меня убить, – закрыв глаза, сказал он.
- За что?
- Сама знаешь.

– Ты поступил очень плохо. Но в целом ничего страшного. Если хорошо подумать. Если есть желание оправдать себя. А у меня есть такое желание, потому что я честная женщина. И я оправдываю себя тем, что ты мой муж... Не скажу, что мне было хорошо, но я бы не стала тебя убивать... Но это может сделать Эдуард, если узнает.

Валентин хотел открыть глаза и сказать, что думает он о ее честности, но вместо этого еще крепче зажмурился. Быть беде, если Тихоплесов узнает, что сотворил он с его женщиной...

– Но я ему ничего не скажу, – успокоила его Дарьяна.

– Не надо, – открыв глаза, благодарно посмотрел на нее Валентин.

– Ты напишешь заявление, и мы разойдемся с миром.

– Это шантаж?

– Как хочешь, так и понимай.

– Хорошо, я напишу заявление, – кивнул он.

– Ты в этом уверен? – Да.

– Ты так боишься Тихоплесова, что готов отказаться от меня? – с презрительной насмешкой спросила она.

– Э-э... Я не боюсь... Ты... Ты же все равно все уже решила, – в смятении пролепетал он.

– Да, я решила, что ты трус, – кивнула она.

– Я не трус! – взвился он.

– Ты никчемный человек.

– Это слишком!

– Чтобы завтра заявление было в ЗАГСе! – отрезала она. – Если нет, пеняй на себя!

Дарьяна ушла, хлопнув за собой дверью, а Валентин уронил голову на грудь, в безысходности обхватив ее руками. Похоже, у него не было другого выхода, как официально отказаться от бывшей жены...

Глава 5

Валентин хорошо помнил день, когда они с Дарьяной подали заявление в ЗАГС. Не сказать, что после этого домой он летел как на крыльях, но настроение зашкаливало точно. И еще он пригласил Дарьяну в ресторан, где они пили шампанское, желая себе светлого совместного будущего.

И сегодня он был в ЗАГСе, где отказался от своих прав на Дарьяну. Домой возвращался как в воду опущенный. Некого сегодня приглашать в ресторан, да и незачем. Но напиток надо, вдрызг, с горя...

Он шел, не замечая ничего вокруг, поэтому появление Тихоплесова стало для него неожиданностью. Он подходил к своему подъезду, когда услышал за спиной его голос:

– Эй, урод!

Валентин остановился, на немеющих ногах повернулся к нему.

Тихоплесов надвигался на него с неотвратимостью следующего по рельсам локомотива, и Валентин с ужасом осознал, что у него нет ни единого шанса уклониться от столкновения с ним.

– Дарьяна была у тебя вчера? – не останавливаясь, ревушим голосом спросил Тихоплесов.

Валентин обреченно кивнул. Неужели Дарьяна проболталась?... Похоже на то.

– Ты не жилец, понял! Не жилец! – заорал на него Эдуард Антонович.

И размахнувшись, ударил Валентина кулаком в лицо. Но тот инстинктивно нагнулся, и этот удар сокрушил пустоту над его головой.

Но Тихоплесов ударил снова, на этот раз ногой. А Валентин отпрыгнул назад, ничуть физически не пострадав. Зато морально он был разбит. Ему бы дать обидчику отпор, но руки не хотели слушаться его, а прыти в ногах только на то и хватало, чтобы уходить от ударов. В конечном итоге он воспользовался дверью в подъезд и, оттолкнув открывшего ее мужчину, спрятался за ней. Щелкнул замок, и дверь накрепко закрылась.

Тихоплесов не мог дотянуться до него, но Валентин слышал его голос.

– Молись, ублюдок! – ревел тот. – Я тебя урою, тварь!

Едва живой от страха, Валентин поднялся к себе домой, закрылся на все замки. К сожалению, ни одно из окон его квартиры не выходило во двор, и он не мог видеть, где сейчас находится его лютый враг.

Но вряд ли Тихоплесов останется во дворе караулить его. У него есть специальные люди, которые могут отомстить за него, сейчас он вызвонит их, даст им задание...

Валентин не знал, что делать. Позвонить в милицию? Но что он скажет? Что изнасиловал свою бывшую жену?... Может, это и не было изнасилованием, но ведь именно так Дарьяна все и повернет, чтобы выйти из этой истории с наименьшими для себя потерями. Вернее, уже повернула...

Можно удариться в бег, но как выйти из дома, если за ним, скорее всего, уже следят? Или его ждет сам Тихоплесов, или он оставил во дворе своего водителя, чтобы тот дождался исполнителей. А на веревке с восьмого этажа не спуститься...

Надо оставаться дома и держаться на связи с милицией. Дверь, может, и не самая прочная, но позиционируется, как бронированная, с ригельными штырями. Пока убийцы взломают ее, Валентин успеет вызвать наряд милиции, тем более что местный ОВД в двух кварталах от дома... Вся жизнь, конечно, взаперти не просидишь, но через пару-тройку деньков осада, скорее всего, будет снята...

Но хватит ли еды, чтобы продержаться три дня?... Валентин открыл холодильник и увидел в нем бутылку водки. Вот что нужно ему сейчас больше всего. Напиться и забыться...

А продуктов было немного. Полкилограмма сосисок, треть батона колбасы, кусок сыра, масло, десятка полтора яиц, огурцы, помидоры. Крупа в кухонных шкафах – рис, пшено, гречка; сахар, чай... Если экономить и не особо привередничать, можно продержаться более чем трое суток... Надо экономить.

Валентин отварил пару сосисок, сделал овощной салат, налил себе полный стакан водки, выпил, закусил...

Водка шла на удивление легко, но совершенно не пьянила. Легкий хмель Валентин почувствовал после последней стопки. Ощущение нужно было усилить, но водка закончилась. И тут он вспомнил про волшебную силу Интернета. Деньги у него есть, можно сделать онлайн-заказ в службу доставки. Это же проще простого. Он закажет бутылку водки, и курьер доставит ее, запросто минуя засевших в засаде наемников...

Так он и поступил. Заказал бутылку водки, сок, фрукты, пачку пельменей. Не прошло и получаса, как прибыл курьер. Правда, к этому моменту Валентин едва держался на ногах. Опьянение оказалось коварным, подступало медленно, но накрыло плотно. Впрочем, желание напиться до полусмерти не исчезло, и Валентин снова сел за стол, почти уверенный в том, что вторая бутылка окончательно свалит его с ног.

Но бутылка опустела, а он все еще оставался на плаву. Вата в голове, кровь медленная, вязкая, течет по жилам с трудом, шумом отдаваясь в висках. Но сознание еще не погасло, а на душе необыкновенно легко. И Тихоплесов не страшен, и на Дарьяну наплевать... И выпить хочется...

Валентин заказал через Сеть еще одну бутылку водки, но, не дождавшись, провалился в небытие...

Он заснул, и ему приснилось, как он сражается с киллером, прибывшим по его душу. Ему совсем не страшно, в руке у него нож, движения на зависть быстрые и ловкие, как в компьютерной игре. Потом ему приснился милиционер с дикими от ярости глазами, он заломил Валентину руки, затащил в свою машину, куда-то повез... Потом была тусклая засиженная мухами лампочка под серым, некогда белым потолком, давно не крашенная лавочка над головой, жесткий холодный пол...

На этом полу Валентин и проснулся. Под потолком светила знакомая уже лампочка, над головой доски тянувшейся вдоль стены скамейки. Справа высокие железные прутья от пола до потолка. Много прутьев, вся стена из них состояла. Воняло мочой, и даже хлорка своим едким запахом не могла перебить этот едкий смрад.

Сначала Валентин догадался, куда его угораздило попасть, и только затем до него дошло, что в тюремной камере он оказался не просто так. Но что именно он натворил?

– Э-эй! – через силу выдавил он.

Ему нужно было знать, почему он здесь. И еще очень хотелось по нужде. Очень-очень хотелось. А отхожего места здесь нет.

– Эй, люди!

Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы встать на ноги, подойти к решетке. Но из-за телесной слабости ему трудно было бороться с силой тяжести, поэтому, держась за железные прутья, он сполз на колени.

– Люди!

Перед ним, как большая луна в ночи, светилось широкое с арочным верхом окно, красные буквы на нем, они расплывались в глазах, но Валентин все же смог прочитать: «Дежурная часть». Освещенное помещение за стеклом, вихрастая макушка склонившегося над столом человека. Это милиционер, и он не спит, но Валентина не слышит.

– Караул!

Наконец человек поднялся, вышел из дежурного помещения, приблизился к решетчатой стене камеры. Рядом с ним встал еще один, в погонах и с автоматом. Стоят оба, недобро улыбаются, глядя на Валентина, как на какую-то обезьяну в клетке.

– Где я? – сорванным, с хрипотцой голосом спросил Валентин.

– Дома... Теперь это твой дом, придурок, – сказал вихрастый.

– Ага, дорога дальняя, казенный дом.

– За что?

– А то ты не знаешь.

– Нет.

Валентин вспомнил свой сон, где он убивал ножом киллера... Он глянул на свои руки, измазанные чем-то засохшим, темно-красного, почти коричневого цвета. Это же кровь! И на футболке кровь, и на джинсах...

– Этого не может быть, – в панике пробормотал он.

Неужели он убил киллера наяву?... Но как это произошло? Почему он ничего не помнит?...

– Да, парень, влип ты в историю, – сочувствующе, но без жалости покачал головой вихрастый.

– Мне... Мне нужно в туалет.

– Терпи. Скоро утро, тебя в изолятор переведут, там в камере сортир есть. А здесь терпи.

– Не могу терпеть!

– Тогда под себя! Я с бешеным связываться не хочу, – уходя, обращаясь к своему спутнику с автоматом, сказал вихрастый.

Милиционеры ушли, а Валентин кое-как добрался до скамейки, лег, плотно сжав ноги, чтобы сдержать позыв. Он все еще был пьян, и это помогло ему спрятаться от ужасающей действительности в зеленой пучине хмельного сна.

А утром его растолкали, сковали руки стальными браслетами, куда-то повели. Голова раскалывалась от боли, нутро выворачивалось наизнанку, во рту сильно пересохло, а содержимое мочевого пузыря рвалось наружу. Валентин упросил конвоира свернуть в туалет, справил нужду, и только тогда его доставили по людным коридорам в кабинет к следователю.

Тучный вислощекый мужчина в годах только что наточил карандаш и теперь рассматривал грифель на свет, как будто успех предстоящего допроса зависел исключительно от его остроты. Не глядя на задержанного, он показал ему на стул по другую сторону своего стола. Валентин чувствовал себя, мягко говоря, неважно, поэтому не сразу понял, чего от него хотят, но конвоир подтолкнул его к столу и, надавив на плечо, заставил сесть.

– Наручники снимать? – спросил он у следователя.

Тот кивнул, и Валентину расковали руки. Но свободным он себя не почувствовал.

Следователь отпустил конвоира небрежным взмахом руки, даже не глянул в его сторону. Он был увлечен своим карандашом – смотрит на него, не налюбуется. Валентин не прерывал его занятия. Зачем? Ведь спешить ему некуда, а в кабинете спокойно, не жарко. И графин воды на столе. Очень хотелось пить, но ведь рано или поздно следователь обратит на него внимание и позволит утолить жажду. А пока он занят своим делом, можно немного подремать. Сон туманил сознание, слипал глаза...

Валентин уже почти заснул, когда услышал резкий, хлесткий голос следователя:

– Полунин!

– А?! Что?! – встrepенулcя Валентин.

– Не спи, замерзнешь, – более мягко сказал сидевший за столом мужчина. – На-ка вот, делом займись.

Он пальцем легонько надавил на скрепленные степлером листы бумаги, по столу подвинул их Валентину.

– Распишись.

– Что это?

– Протокол допроса, – как о чем-то заурядном сказал он.

– Чьего допроса? – удивился Валентин.

– Твоего.

– А вы меня уже допрашивали?

– А зачем? И так все ясно. Ты убил курьера, зарезал его ножом.

– Я?! Убил?! Курьера?!

– Да, ты заказал бутылку водки, курьер тебе привез, а ты его убил. Ножом. Зарезал прямо на пороге своего дома.

– Я?! – схватился за голову Валентин.

– Ты. И твои соседи видели, как ты его убивал. Они и вызвали милицию.

– Но это не я, – жалко пробормотал он.

– Ты, Полунин, ты.

– Но я ничего не помню.

– Это уже детали. То, что ты находился в состоянии глубокого алкогольного опьянения, не смягчает твоей вины.

– И что, соседи все видели?

– Да, ты убивал несчастного курьера у них на виду. Ты протокол допроса почитай, там все указано.

Дрожащими пальцами Валентин взял со стола скрепленные листы, но они вывалились из рук, с шелестом спланировав на пол. Он подобрал их, попытался что-то прочесть, но буквы расплывались перед глазами. Кое-как он сосредоточился, сфокусировал зрение, прочел заглавную часть протокола. Оказывается, следователь располагал его полными паспортными данными. Владел он и страшной информацией. Оказывается, Валентин уже сознался в убийстве гражданина Веревоchina, курьера интернет-магазина... Информация о свидетелях здесь также имела.

– Отпираться в твоём случае бессмысленно, – спокойным вразумляющим голосом сказал следователь. – Свидетели есть, нож с отпечатками твоих пальцев уже на экспертизе. В твоём случае подписать протокол – это все равно что чистосердечно признаться в содеянном. А будешь юлить, выкручиваться, это будет воспринято как нежелание сотрудничать со следствием, а это лишних пять-шесть лет к сроку... Так можешь лет десять получить, а загремишь на пятнадцать, а то и на все двадцать... Положение твое серьёзное, парень.

– А-а... А можно воды? – смахнув со лба испарину, обморочно спросил Валентин.

– Можно, – кивнул следователь, но убрал графин, когда Валентин протянул к нему руку. – И воды можно, и в камере поспать тоже можно. В камерах у нас лежаки к стене прикручиваются, спать на них только ночью можно. А ты еле живой с похмелья, тебе полежать надо. Я распоряжусь, чтобы для тебя лежак опустили... Мой тебе совет, Полунин. Положение у тебя аховое, и тебе надо радоваться любой возможности хотя бы на грамм-другой улучшить свое положение. Так что давай, подпиши протокол и отправляйся в камеру. И отдыхай, пока тебе не предъявят обвинение.

Валентин внял совету, подписал протокол, за что получил три стакана воды и позволение принять горизонтальное положение в камере. И еще следователь разрешил ему позвонить маме.

Он с содроганием набирал номер ее телефона. Надо было позвонить ей сразу, как он приехал в Москву, но увы. Не хотелось, чтобы она, приехав к нему домой, узнала о разрыве с Дарьяной. Он не хотел злорадства и унижительного торжества с ее стороны. А ведь если бы мама была с ним вчера, она бы не допустила, чтобы он допился до скотского состояния. Тогда

бы он не убил человека... Но, увы, сослагательное наклонение хорошо, когда в настоящем все в порядке. Увы, время назад не повернешь.

Мама уже знала, что произошло. Более того, она уже собиралась ехать к нему в изолятор временного содержания. Встречаться с ней Валентин не хотел, боялся истерик и слез. Но ему нужна была ее помощь. Уголовной ответственности ему не избежать, но ее можно смягчить, и помочь ему в этом могла только мама. Дарьяна же только рада будет, если ему выпишут срок по максимуму...

Глава 6

В камере остро воняло туалетом, невымытым телом и грязными носками. Казалось, что здесь маринуется с десятков бомжей, но Валентин видел перед собой только одного человека, грязного, вонючего, типичного обитателя городских помоек. Рядом с ним невозможно было находиться, а ведь Валентин должен был делить с ним жалкие десять квадратных метров. Смердел бомж так, что лучше было жить в обнимку с унитазом, чем находиться рядом с ним.

Плохо выбритый прапорщик толкнул Валентина так, что он едва удержался на ногах.

– Давай проходи, чего стоишь?

Пальцами, будто прищепкой, зажав ноздри носа, милиционер прошел в глубь камеры, отцепил от стены дощатые нары, уложив их на железный столбик, вмурованный в бетонный пол.

– Эй, начальник, а мне? – беззубым ртом прошамкал бомж.

– Да пошел ты! – рыкнул на него прапорщик и пулей выскочил из камеры, закрыв за собой дверь.

Валентин лег на предназначенный ему лежак, согнул руку в локте, ткнулся носом в плечо, чтобы хоть как-то приглушить ненавистное зловоние от бомжа.

– Эй, чего разлегся? – недовольно буркнул тот. – Давай двигайся.

Полок был узким, два человека на нем могли поместиться, только лежа на боку впритирку друг к другу. Легче было застрелиться, чем терпеть такое соседство.

– Ты что, глухой? – рычащим голосом спросил бомж.

И ударом в спину столкнул Валентина на пол.

Бродяга не казался серьезным противником. Среднего роста, плюгавый, а Валентин так разозлился, что готов был драться. Он поднялся, чтобы ударить бомжа ногой, но увидел наставленный на него черенок ложки, остро заточенный, смертельно опасный. Бомж пакостно скалился, обнажая темные пеньки уцелевших зубов, в глазах у него безумный блеск. Валентин испуганно отступил назад. Лучше уж на полу сидеть, чем лежать и гнить в сырой стылой земле. А ведь бродяга запросто мог пырнуть его заточенным черенком, ему в этой жизни уже нечего терять.

– Чего дергаешься, баклан? – дыхнув на него дохлятиной, злорадно спросил бомж.

– Это мое место, – жалко пробормотал Валентин.

– Это наше общее место. Я человек не жадный, могу и подвинуться... Или ты думаешь, что я вовсе не человек? Если бомж, то не человек, да? – агрессивно зашипел на него бродяга.

Лицо у него распухшее, расцарапанное, глаза и без того, как щелочки, а сейчас они еще стали уже. Грязный, косматый, вонючий...

– Да нет, не думаю...

Не в состоянии противостоять противнику, Валентин отступил к самой двери. Фактически это было бегство, но и в этом он нашел оправдательный момент. Он успокоил себя тем, что из узкой щели между дверью и порогом в камеру поступает тонкая струя не самого свежего, но совсем не вонючего воздуха и здесь ему будет легче дышать. Он сел на корточки, прислонившись спиной к шершавой стене. Ужасно неудобное положение, но выбирать ему не приходилось.

Зато бомж с удовольствием развалился на чужом лежаке. Подложил под голову грязный свитер, забросил ногу за ногу, достал откуда-то папиросу, блаженно закурил... Валентин и подумать не мог, что он может оказаться в ситуации, когда какой-то вонючий бродяга, этот отброс общества, будет выглядеть и богаче, и успешнее, чем он сам.

– Ничего, если я буду называть тебя чуханом? – не глядя на Валентина, спросил бомж.

– Ничего, если я буду называть тебя чмошником? – огрызнулся он.

– А я тебе пасть порву!
– Да пошел ты!
– Смотри, смелый... – гоготнул бомж и громко отрыгнул воздух. – Только трусливый, гы-гы... Или брезгуешь мной?
– Как ты догадался?
– Ничего, привыкнешь. В тюрьме к запахам быстро привыкаешь.
– Если бы к запахам, – скривился Валентин.
– Ты думаешь, это я воняю? Нет, это жизнь моя воняет. Погоди, твоя жизнь тоже вонять начнет. Или сомневаешься?

Валентин обреченно склонил голову. Как это ни прискорбно, но бомж был прав. Сам он еще жив, но жизнь его как будто умерла, она уже загнивает, начинает пованивать, а скоро смрад от нее будет невыносимым. Выхода у него нет, и скоро он задохнется от зловония собственной жизни.

– За что тебя повязали?
– За убийство.
– Кого убил?
– Человека... Случайного человека...
– Чего так?
– Напился до беспамьятства, не понимал, что делаю...

Бомж спрашивал, он отвечал, но, казалось, это был не диалог, а монолог с самим собой. Валентину было плохо, его тошнило, живот болел, перед глазами все плыло, невыносимо хотелось лечь, приткнуться куда-нибудь голову. Но при этом он ощущал в себе потребность выговориться перед самим собой.

– Это бывает, – с важным видом отозвался бомж. – Я однажды сам перебрал... Просыпаюсь, а Ленка лежит с пробитой башкой. Хорошо, живая... Она с Колькой блудовала, ну, я ей за это и отвесил. Рука у меня тяжелая...

– Моя жена тоже блудовала, – кивнул Валентин.
– А говоришь, случайного человека убил.
– Нет, она не случайный человек. Но я ее не убивал... Лучше бы ее... Нет, лучше бы его...
– Кого – его? С кем она блудовала?
– Да. Эдуард его зовут. Эдик... Козел!..

– Не люблю козлов. Воняет от них, – скривился бомж.

Это было бы смешно, если бы не черная депрессия, на веки вечные подмявшая под себя Валентина.

– Воняет... – кивнул он. – Носом не унюхаешь, как воняет. Но воняет очень сильно. Потому что оружием торгует.

– Оружием?! Оружие – это серьезно, – кивнул бродяга.
– Каким оружием?! – спохватился Валентин.

Он не должен был говорить, чем занимается Тихоплесов. Его вообще нельзя впутывать в эту историю... Или можно? Ведь из-за него же Валентин перебрал со спиртным. Тихоплесов создал угрозу, которую он в пьяном беспамьятстве и пытался предотвратить. Ведь он думал, что не курьера убивает, а киллера, который прибыл по его душу. Опьяненным подсознанием думал, потому и натворил бед...

Не было бы Тихоплесова, не напился бы Валентин до белой горячки. И жена бы от него не ушла. И не сидел бы он сейчас в этой вонючей камере с протухшим бомжом...

– Ну, ты сказал, что этот Эдик оружием торгует, – напомнил бомж.
– Оружием?! Ну да, торгует. Охотничьи ружья, карабины, все такое. У него легальное предприятие. И он очень богатый человек.
– Потому твоя жена к нему и ушла?

– Да, я для нее бесперспективный.

– Знакомая история. Моя Ленка тоже от меня ушла, потому что я бесперспективный. С Толяном сейчас живет, он у нас человек с положением, отходы заводские охраняет, а там цветные металлы. У него даже своя бытовка есть...

– И у этого тоже бытовка есть, – с мрачным видом кивнул Валентин. – Где-то на Рублевке. И Ленка твоя к нему не уйдет. Потому что он ее к себе не возьмет. Хотя бы потому, что у него есть моя жена...

– Бывшая жена?

– Не совсем. Я только вчера заявление в загс подал, нас еще не развели... Шел из загса, а этот меня ждет... Я думал, он меня убить хочет... Испугался... Напился... Думал, что киллер за мной пришел. А это был курьер из магазина...

– Он что, киллера мог заслать?

– Мог.

– Из-за бабы?

– Из-за нее тоже, – погруженный в свои мысли, отрешенно кивнул Валентин.

– А еще из-за чего?

– Ну, я узнал, что он оружием незаконно торгует.

– То законно, то незаконно, ты уж определись как-нибудь.

– Что законно?... – очнулся Валентин. – У него оружейные магазины по всей стране, там все на законных основаниях...

– Но ты что-то не то про него узнал.

– Ну, я думал, что узнал. На самом деле я ошибся...

– Да ты не думай, я никому ничего не скажу. Я же не подсадной там какой-то. Да и забуду я все скоро. Память у меня такая, надолго не хватает. Я завтра утром проснусь и даже не вспомню, как тебя зовут.

– Как ты можешь вспомнить, если не знаешь, как меня зовут?

– Ну да, не знаю... – беззубо ощерился бродяга. – Это, меня Семыч зовут.

– Валентин.

– Валентин – Валя, значит.

– Валентин!

– Да, но ведешь ты себя как Валя. Целку из себя строишь, спать со мной не ложишься, – глумливо хихикнул бомж.

– Да пошел ты!

– Ух, как страшно! Ленка моя так говорила, когда напугать меня хотела. Но так она баба...

– Могу и морду набить! – вспыхнул Валентин.

Не пристало ему терпеть унижения от какого-то грязного бродяги.

– Не можешь! – обидно засмеялся Семыч. – Потому что у меня заточка! Я ведь и кишки тебе выпустить могу! А ты не хочешь этого, да? Не хочешь!..

– Я сам человека ножом зарезал! – вспомнил вдруг Валентин.

Это, конечно, не повод для гордости, но ведь это может послужить ему оружием устрашения.

– Как ты его зарезал? По пьяни! Так ты сейчас тверезый, мухи не обидишь. Интеллигент ты, белоручка. Да еще имя у тебя... Затюхает тебя зэчье, это как пить дать...

– Я, между прочим, карате занимался! – взбунтовался Валентин.

– Сейчас в штаны наложу со страха!.. Плевать, чем ты занимался. Силы духа в тебе нет. Дух есть, а силы нет. А без этого в тюрьме пропадешь... Симпатичный ты, чистенький, домашний, таких в камере любят. Только тебе от такой любви больно будет.

– Хватит!

– Ты еще заплачь! – засмеялся Семыч.

– Я ведь сейчас точно тебе морду набью! – поднимаясь во весь рост, заявил Валентин.

Он вдруг понял, что ему действительно не выжить в тюрьме, если он себя не изменит. Он умеет драться, нужно только перебороть страх в себе. А ведь он может это сделать. Надо настроить себя на то, что в драке без мордобоя не обойтись, его будут бить, испортят ему физиономию, но ведь это не самое страшное в жизни. Ну, разобьют ему нос, губы, поставят фингалы под глазами, и что с того? Ведь он не на свободе, перед женщинами красоваться не надо, коллеги по работе ничего не увидят, а на сокамерников наплевать. Пусть злобные арестанты избьют его в кровь, зато он кому-нибудь сломает челюсть. Проиграть в сражении не так позорно, как сдаться без боя. Ему влетит на орехи, зато его будут уважать. И желающие нежно с ним дружить отпадут сами по себе...

А если его не просто избьют, а изувечат? Выколуют глаз, например? Или отрежут что-нибудь нужное?... Но это не должно пугать его. Он должен смело идти в бой. Ведь ему нечего терять...

– Пошел вон с моего места! – усилием воли взорвался он.

Бомж соскочил с лежака, но миг вытянул вперед руку, сжимая в кулаке остро заточенный черенок.

Валентину стало не по себе, но назад он не отступил. Страшно, но он должен совладать с собой. К тому же когда-то он занимался самбо и знает эффективные приемы против ножа.

Он смело шагнул к Семычу, пытаясь схватить его за руку, но тот на удивление ловко ушел от захвата и провел секущий удар. Валентин едва успел убрать голову с линии, которую прочертил самодельный нож.

– Ну, все, молись, гад! – взбешенно заорал бомж и резко шагнул к Валентину, собираясь проткнуть его заточкой.

И куда только делось все знание боевых приемов?... Валентин в панике попятился к двери... Нет, против ножа он, увы, не боец.

– Что, кишка тонка? – оскорбительно хохотнул Семыч. – Ездишь, когда страшно?... Ну, иди сюда, я твою кишку намотаю!

Валентин сравнивал себя с трансформатором, который задымился, не выдержав резкого перепада напряжения. Он и сам горел изнутри, дымился, но не в состоянии был трансформировать свою злость в подавляющую агрессию. Он очень боялся ножа и ничего не мог с собой поделаться. И как ни горько было это осознавать, но бомж не зря праздновал свою победу над ним.

– Ладно, Валя, нормально все, – смилостивился Семыч.

Он снова лег на лежак, опустив руку с заточкой так, чтобы в любой момент поднять ее и ударить на поражение.

– Жалко мне тебя, пропадешь ведь. Очко у тебя не железное, вот и будут пихать туда всякую гадость...

– Заткнись! – беспомощно психанул Валентин.

– Опять не страшно... Ты не буксуй, ты лучше бывшего человека послушай. Слабый ты, тебе за жизнь цепляться надо, приспособливаться. Вот и приспособивайся. А я тебе совет дам, как... Ну, чего молчишь? Проси совет, пока я добрый.

– Обойдусь, – опустившись на корточки, подавленно буркнул Валентин.

– Это с тобой обойдутся, когда в общую камеру попадешь. Там тебя со всех сторон обойдут, и будешь потом подпрыгивать...

– Не смешно.

– Так никто и не смеется... Нельзя тебя в общую камеру. Бутырка, Матроска – это не для тебя. Там из тебя быстро проходной двор сделают. В Лефортово надо, там государственная безопасность рулит, там шпионов держат, всяких политических. И условия куда лучше, чем в

Бутырке, и камеры не переполнены, кормят, говорят, очень хорошо. Я даже слышал, что там надзиратели к заключенным на «вы» обращаются. И даже ковровые дорожки в коридорах...

– Фантазер ты.

– Не веришь, не надо. Мое дело маленькое – совет тебе дать. А ты уже думай, как тебе поступать.

– Ну и как туда попасть?

– Ну, понятное дело, так просто туда не попадешь.

– Но у тебя есть блат, да? – мрачно усмехнулся Валентин.

– А я этого не говорил! – вскинулся Семыч.

– Ты не говорил, но я подумал.

– Чтобы думать, мозги надо иметь, – успокаиваясь, сказал бомж. – А они у тебя в душу ушли. А душа – в пятки... Слушай и не воняй, понял?

– Что слушать?

– Совет умного человека!.. Что ты там про мужика говорил, который оружием торгует?

– Ну, торгует, и что?

– Законно или незаконно?... Если незаконно, так и скажи следователю. Типа, узнал, что он оружием торгует, а он тебя убить за это хочет. Сказал, что убьет, потому и нажрался ты со страху. Ждал киллера, а дождался курьера. Киллера ты убивал, понял! Киллера, которого этот мужик нанял.

– Это не оправдание, – мотнул головой Валентин.

– Не оправдание. Это повод, чтобы тебя в Лефортово перевели. Ты думаешь, если я бомж, то ничего не соображаю? А я в этой жизни больше тебя соображаю. Потому что все знаю. Потому что выживать умею. А ты не умеешь выживать. Тебе показали пшик, и ты сразу расклеился... Короче, незаконная торговля оружием – это, считай, государственная измена. Этим ФСБ заниматься должна. Поэтому тебя в Лефортово переведут, как свидетеля... Ну, и как преступника... В общем, ты сам думай, а то у меня уже мозг закипает...

Семыч закрыл глаза, давая понять, что разговор окончен. Вот он повернулся на бок спиной к Валентину, захрапел. Похоже, спит. Если так, то в самый раз напасть на него, забрать заточку... Но Валентин подумал об этом вскользь. Может, он и сволочь, этот Семыч, но ведь совет дельный дал. Валентин и сам понимал, что государственные преступники – это все-таки не маргинальная уголовщина, среди них не должно быть классических воров, грабителей и прочих деклассированных элементов. А если в Лефортово еще и условия содержания лучше, чем в обычной тюрьме, то он просто обязан туда попасть.

Но для этого ему придется сделать громкое заявление – обвинить Тихоплесова в преступлении. Готов ли он к этому?...

Глава 7

Удивительное дело, бомж Семыч не обманул: коридоры Лефортовской тюрьмы действительно были застелены ковровыми дорожками. Правда, лежали они здесь не столько для комфорта, сколько для бесшумного передвижения, чтобы в камерах не слышно было, что по коридору кого-то ведут. Да и надзиратель, наверное, мог тихонько подкрасться к дверному глазку, чтобы наблюдать за арестантами.

Валентину не приходилось бывать в Бутырке, и он не знал, где условия содержания лучше. Да и в Лефортове он только собирался побывать. Его вели по длинному, выкрашенному блеклой голубоватой краской коридору. Звенели кастаньеты, как назывались ключи, которыми надзиратели открывали двери решетчатых перегородок между блоками. А еще Валентин услышал металлический треск, донесшийся до него из глубины извилистого коридора. Его тогда сразу же засунули в специальный «стакан» – углубление в стене, откуда он не мог видеть, кого под конвоем провели мимо него. Он уже слышал, что внутренняя изоляция в Лефортове серьезная – из арестантов здесь можно было увидеть только своих сокамерников.

Но вот он миновал длинный извилистый путь и оказался перед железной дверью своей камеры. Если там такая же переполненность, как и в Бутырской тюрьме, то... Валентин усмехнулся с легким пренебрежением к себе. Никак ему не наказать Семыча за обман, слишком уж у него коротки руки. Да и духу не хватит. К тому же винить во всем он должен самого себя...

На следующий же день после разговора с соседом по КПЗ Валентин сообщил следователю, что стал жертвой преступника, поставляющего оружие чеченским боевикам. Он тщательно продумал каждое свое слово, поэтому его речь произвела впечатление. Он дал подробные показания, после чего, как и предполагалось, его этапом отправили в Лефортовскую тюрьму. Здесь в ближайшее время с ним встретится следователь ФСБ, и он должен будет подтвердить свою историю. Арестуют Тихоплесова или нет, но дело уже сделано, и Валентин добился своего. Он прокукарекал, а там хоть и не рассветай... Лишь бы только овчинка стоила выделки.

Надзиратель открыл камеру, солдат-конвоир отвел Валентина от стены, после чего легонько подтолкнул его в спину.

Здесь действительно обращались к заключенным на «вы», но скорее это было проявлением строго официальной небрежности, чем изыском вежливости.

Затаив дыхание, Валентин вошел в камеру. Глаза не закрыл, хотя хотелось. Он просто опустил их долу. Сейчас поднимет их и увидит мерзкие морды прожженных неволей уголовников. И молча, про себя проклянет Семыча...

Первое, что выяснил Валентин, – в камере не воняло – ни туалетом, ни грязными телами, ни табачным дымом. А подняв глаза, он увидел двух арестантов. В спортивных костюмах они сидели за столом и мирно играли в шахматы. Валентин своим появлением оторвал их от дела, но не похоже было, что это их расстроило.

Одного заключенного Валентин узнал сразу. Это был сухощавый, крепко скроенный мужчина средних лет, которого обвиняли в убийстве мирных чеченских жителей. Его недавно показывали по телевизору, и еще тогда Валентин подумал, что этот человек относится к своей незавидной участи с философским спокойствием. Спокойная полуулыбка, пронизательно-ироничный взгляд... Именно так он смотрел на Валентина и сейчас. Круглое лицо, слегка выпуклый лоб, низкие горизонтальные брови, нос крупный и настолько рыхлый, что казалось, будто крылья носа так же легко отделить от его спинки, как одну мандариновую дольку от другой. Но, глядя на этого мужчину, вряд ли бы кто решился произвести такой эксперимент. Хоть он и производил впечатление человека добродушного, но вместе с тем в нем

чувствовалась недюжинная сила духа, которая делала его опасным противником для возмутителя спокойствия.

Второго арестанта Валентин никогда не видел. Массивная шарообразная голова, крупные блестящие залысины, насмешливый с наглечой, но совсем не агрессивный взгляд маленьких, глубоко посаженных глаз, полные щеки, двойной подбородок, плечи широкие, но подернутые лишним жирком, заметный живот. На вид ему было лет тридцать пять.

– Ну, вот и третий объявился! – поднимаясь со своего места, приветливо улыбнулся он.

Руку Валентину он подавать не стал, но показал на койку, куда он мог положить матрас и завернутое в нем белье. В камере было всего три кровати, и трудно было ошибиться в том, какая из них свободная, но этикет должен быть соблюден.

Валентин ярко улыбнулся, радуясь, что арестанты не пытаются качать права и давить на новичка. И сама камера впечатляла. Пусть и не очень большая, зато трехместная, с бочкообразным потолком, у каждого арестанта своя койка. Палас на полу, ковры на стенах, репродукция Веласкеса «Венера с зеркалом», двухкамерный холодильник с телевизором на нем. Не жарко здесь и не холодно, дышится легко, хотя и не свободно. Расстелить бы сейчас матрас, расправить постель и спать, спать...

– Можно и на троих сообразить, – улыбнулся военный. – Только нет ничего. И нельзя.

– Да я и не буду, – в тон ему ответил Валентин.

– Что, зашился? – весело спросил мужчина с шарообразной головой.

– Что-то вроде того. Я, когда выпью, буйным становлюсь.

– За это не сажают... Кстати, меня Тимофей зовут.

– Алексей, – представился военный.

Никто из них не подал Валентину руки, но все равно обстановка располагала к теплому общению.

– А я вас знаю... То есть по телевизору видел, – обратился к сухощавому сокамернику Полунин.

– Леша, да ты у нас знаменитость! – засмеялся Тимофей, но военный осадил его спокойным движением руки.

И пристально глядя на Валентина, спросил:

– И поверил тому, что по ящику говорили?

– Э-э, нет...

– Значит, поверил, – сделал свой вывод Алексей.

А ведь он был прав. Валентин действительно поверил в убийство мирных жителей. Дарьяна, кажется, разубедила его в этом...

– Да нет, нет! – мотнул головой он.

– Ты с Лешей не спорь, – посоветовал ему Тимофей. – Он у нас людей насквозь видит. Только бояться его не надо. Он не следователь, вину из тебя вытаскивать не будет.

– А чего ее вытаскивать? – присев на краешек скамейки, обескураженно пожал плечами Валентин. – Вся моя вина на виду. Я человека убил. По пьяной лавочке.

– Наверное, этот человек был полковником ФСБ? Или майором?

– Нет, просто курьером.

– Курьер ФСБ, дипломатическая почта? – потешался Тимофей.

– Нет, курьер из интернет-магазина.

– Он что, шпионскую технику распространял?

– Нет, водку.

– Водку? А разве это не шпионская техника? Водка, друг мой, самая что ни на есть шпионская техника... А если серьезно, это не аргумент, чтобы к нам попасть.

– Ну, я на фирме работал, мой босс оружием занимается, так я видел, как он гранатометы чеченским боевикам продавал! – выпалил Валентин. – Ну, на видео кто-то снял...

Это был один из тех нередких, увы, для него случаев, когда человек сначала говорит, а потом вспоминает про мозги.

– Это правда? – спросил Алексей, невозмутимо, но внимательно посмотрев на Валентина.

– Да, правда...

Под его взглядом Валентин вдруг почувствовал себя нашкодившим школьником перед строгим, но справедливым директором. Возникла ничем, казалось бы, не обоснованная потребность оправдаться перед ним.

– А может, не совсем?

– Ну, его самого в кадре не было, но я видел там человека, который на него работает.

– Кого его?

– Ну, моего бывшего босса...

– Так продавал он оружие чеченам или нет?

– Да я точно не скажу. Может, и не было ничего... Но мне кажется, что было. Он же оружием занимается, ну, охотничьи ружья там, все такое...

– Снайперские винтовки?

– Ну, для охоты. «Тигр», например.

– Почему только «Тигр»? Я еще про «Сайгу» знаю.

– Ну, «Сайга» тоже. Просто вы про снайперские винтовки сказали, а я про «СВД» вспомнил. «Тигр» – это фактически и есть снайперская винтовка Драгунова. «Сайга» тоже на базе «калашниковая», но не совсем то. Хотя, конечно, «Сайга» – это вещь...

– Я вижу, ты разбираешься в оружии, – одобрительно кивнул Алексей.

– Да так, немного. Я же компьютерщиком на фирме работал, заявки там, рекламации – все через меня...

– И то, что твой босс оружие в Чечню поставлял, тоже через тебя?

– Да нет. На видео было. Только его самого там не было...

– А может, не было ничего? – засмеялся Тимофей. – Может, нарочно эту басню придумал, чтобы в Лефортово попасть.

– Да нет, правда было! – не желал сдаваться Валентин. – Только он сказал, что это компромат на кого-то был. И он этот компромат на компьютере у себя держал...

– А на кого компромат? – строго спросил Алексей.

– Ну, на человека, который на него работает. Дескать, чтобы им легче управлять было. Но я не поверил. Я знаю, он правда оружие в Чечню поставлял. Он такой!..

– Какой такой? Он что, лично перед тобой оправдывался? – с едкой насмешкой спросил Тимофей.

– Нет, перед моей женой. Она у него главным бухгалтером работает. – Валентин чувствовал, что язык его метет как электровеник, но шнур из розетки выдернуть не получалось. – Я ей рассказал, а она у него спросила. Он ей сказал, что к этой сделке он не причастен.

– Дура... Э-э, не совсем умная у тебя жена. Я бы своего главбуха за такие вопросы враз бы уволил... А твой босс как поступил?

– Бывший босс.

– Значит, обоих уволил.

– Да нет, только меня... Жену он приблизил. Я бы даже сказал, чересчур...

Валентин решил остановиться, но занозистый Тимофей подстегнул его:

– Что, заехал к ней в гости... Э-э, в смысле соблазнил?

– Да, она замуж за него выходит.

– Фью!.. Ловко ты, парень, сообразил. И в Лефортово попал, и боссу своему бывшему подгадил...

– Да нет, там правда гранатометы на видео были, и боевики бородатые...

– А убил ты кого?

– Я думал, мой босс киллера нанял, думал, что киллер ко мне пришел, а это просто курьер был. А я пьяный был, ничего не соображал. Даже не помню ничего. Очнулся в обезьяннике, весь в крови...

– Лихой ты пацан, я посмотрю. Чуть что, сразу за нож! – засмеялся Тимофей. – Ты знаешь, я однажды тоже чуть на одного с ножом не набросился. Пьяный был; правда, все помню. И убить хотел. Ну, не то чтобы по-настоящему хотел, но мог бы и зарезать. Если бы вовремя не остановился... Беда у меня, брат. На армянке я женился. Я таких красивых армянок никогда не видел. Да что там армянок – славянки не такие красивые. Карина в Москве родилась, выросла здесь, армянским только со словарем владеет. Думал, нормально все будет. Ан нет, браток, такое ля началось!.. Сначала дядя Ашот с тетей Арминой и весь их выводок, затем брат Роберт, затем сестра брата теткой племянницы... Одни приезжают, другие уезжают, третьи не успевают уезжать, короче, не дом, а перевалочный пункт какой-то. Я за голову хватаюсь, Карина смотрит на меня, сама уже не рада, что родни так много. Да и какая там родня, седьмая вода на киселе, она никого и в глаза не видела. А они все едут-едут... Когда появился брат осла соседского мальчика, я не выдержал. Этот баран еле ноги унес. И что? А ничего!.. Я сейчас здесь, а в доме у меня хаос. Я здесь, можно сказать, на отдыхе, да, Леша?

– Ну, спокойно здесь, – кивнул военный. – Только скучно.

– Я слышал, там вас пятеро было, ну, в группе, – заискивающе посмотрел на него Валентин.

– Пятеро. И что?

– Капитаны, лейтенанты, прапорщики.

– Капитан один был. Старший лейтенант, лейтенант, и нас двое прапорщиков, я и Ваня Казымов. А что?

– Значит, вы прапорщик?

– Бывший. А чего на «вы»? Прапорщиков боишься? – усмехнулся Алексей.

– Да нет.

– В армии служил?

– Нет. Военную кафедру окончил, лейтенант запаса.

– Лейтенант запаса – это сила, – беззлобно, но с иронией сказал Алексей.

– А портянки нюхал? – спросил Тимофей.

– Ну, сборы были... Только мы в носках ходили, так удобней.

– В носках удобней?! Сразу видно, что не служил. А я два года у дяди Васи отбарабанил. Леша у нас прапорщик, а я до старшины дослужился, тоже ничего, да, Леша?

– Ты, Тимоха, молодец, с тобой в разведку можно, – поощрительно улыбнулся прапорщик.

И с сомнением посмотрел на Валентина. Ты, дескать, хоть и лейтенант, но вряд ли на тебя можно положиться.

– А у дяди Васи – это где?

– Ну ты точно пиджак. Войска дяди Васи – это ВДВ, воздушный десант, понял? Кто не прыгал с парашютом, тот не знает запаха страха... Леша, сколько у тебя прыжков?

– Много. А толку? Отсюда с парашютом не спрыгнешь.

– А надо?

– Говорю же, скучно здесь... Только ты не думай, сбегать я не собираюсь. Узнаю, какой срок навесят, тогда и будем думать.

– Может, оправдают?

– Нет, – уверенно мотнул головой Алексей. – Это политический заказ. Нас на заклятие бросили.

– Ну да, сначала в пекло, потом на заклание. Вот такая у нас страна! – горько протянул Тимофей.

– Страна здесь ни при чем. Просто карта так легла.

– Ты же не хочешь, чтобы вас всех картой придавило?

– Нет... Ты давай конем ходи.

Благодушно подмигнув Валентину, Алексей повернулся к шахматной доске.

– Почему именно конем?

– Потому что я этого хочу.

– Ну, нет! – засмеялся Тимофей. – Я офицера против тебя двину!

– А зря. Не всякий офицер выше меня. И твой офицер меня не пугает... Шах тебе, Тимоха. И мат!

– Ну и хитер ты, Леша! Купил меня своим конем!

Все это Валентин слушал вполуха. Никто не обращал на него внимания, и он спокойно раскатал матрас, заправил постель, лег поверх одеяла. Спортивный костюм у него теплый, хорошо в нем, комфортно. И тело после бани чистое, не зудит, не чешется. Есть, правда, хочется, но скоро ужин; говорят, в Лефортове неплохо кормят, да и в сумке лежит кусок сала и пачка печенья. Надо будет с сокамерниками по-братски все разделить. Но это потом, потом...

Валентину очень хотелось спать. Он засыпал, наслаждаясь покоем тесного, но, как ему казалось, уютного помещения. Чисто здесь, не воняет; ни в душу никто не пытается лезть, ни в тело... Спасибо Семычу, что подсказал, как попасть в Лефортово...

Глава 8

Внутренний будильник не тикал, но щекотал нервы, предупреждая, что сейчас прозвучит команда «Подъем!». Двадцать восьмое марта, последнее воскресенье первого весеннего месяца, дневальный уже перевел вперед стрелку часов – шесть утра по новому, летнему времени все равно что пять утра по-зимнему...

Валентин вспомнил, как просыпался в последний понедельник прошлого года марта месяца. Тогда он лежал в постели с Дарьяной, его ждала утренняя пробежка, о которой он думал с содроганием... Эх, вернуть бы те времена! Но, увы, это невозможно. И те утренние страхи, которыми он терзался тогда, сейчас ему казались сладким сном.

– Подъем! – громко, но с робким видом скомандовал дневальный.

Он стоял в дверях спального помещения, настороженно переминаясь с ноги на ногу. Так он готовился уклоняться от летящего в него сапога. За такое безобразие запросто можно схлопотать пятнадцать суток штрафного изолятора, но есть особо ретивые личности, которым все нипочем. Валентин к таким индивидуумам не относился, поэтому покорно поднялся со своей шконки, проворно оделся, залез, что называется, в сапоги. Пять минут на подъем, десять минут на зарядку. Нужно выходить на площадку перед бараком, на холод, инспектор дежурной смены пересчитает всех по головам, выявит недостающих, начнется разбирательство, а там и время, отведенное на зарядку, кончится. Одно хорошо, что воздуха свежего вдохнуть можно, после сна, после зловония портянок и вчерашнего горохового супа...

Все вышло, как и предполагал Валентин. Пока инспектор разбирался с тремя опоздавшими, пока грозил применить меры, зарядка закончилась, и темная масса невольников с роптанием поползла в обратном направлении.

Валентин помнил, как два месяца назад этапом из Москвы попал в эту колонию. Ему понравилось спальное помещение, в котором он оказался. Двухъярусные койки строгими рядами, подушки пирамидками, одеяла конвертиками, исправные тумбочки без всяких надписей, зато стены расписаны успокаивающими пейзажами – леса, поля, реки, облака в синем небе... Но ведь ему понравилась в свое время Лефортовская тюрьма, а через месяц-другой он волком хотел выть от черной тоски. Каждый день одно и то же, абсолютно никакого разнообразия. И уже совсем не утешала мысль, что сокамерники нормальные люди, а не ушлые хамы из отпетых уголовников...

Он так устал от лефортовской камеры, что начал подумывать о скором этапе как о чем-то если не светлом, то радостном. Хоть какие-то перемены, хоть какое-то веяние жизни... Ждал – и дождался. Приговор был предельно суров: четырнадцать лет строгого режима.

Зато Тихоплесов вышел сухим из воды. Легко отбилась от всех обвинений и единого дня не провел за решеткой. А Валентина этапом отправили в новгородские земли. На целых тринадцать с половиной лет. На целую вечность. Ему будет сорок четыре года, когда он выйдет на свободу. Кому он будет нужен в таком возрасте с его здоровьем и репутацией уголовника? А здоровье он вряд ли сможет сохранить. Работа здесь, может, и не тяжкая, условия содержания не самые убийственные, но та черная депрессия, что давит на него не переставая, рано или поздно подорвет организм изнутри.

До половины седьмого утра есть время заправить постель, навести порядок в тумбочке. За бардак здесь спрашивают жестко, можно и в штрафной изолятор загудеть – на пять, на десять, а то и на пятнадцать суток. Плохо там, холодно и голодно, и еще можно должности своей лишиться. А работа у Валентина – не бей лежачего. В колонии действует федеральная программа, по которой заключенные могут получить высшее образование, здесь открыт филиал Новгородского университета, преподаватели которого ведут занятия дистанционно,

через Интернет, по специальным программам. Менеджмент, юриспруденция, программирование...

Под филиал оборудованы три комнаты в здании администрации; студентов, правда, не очень много, с полдюжины эзков и четыре штатных сотрудника. Но помещение есть, оборудование тоже, и за всем этим кто-то должен следить. Вот этим кем-то и стал Валентин. Есть дневальные по спальному помещению, есть – по столовой, спортзалу, клубу, штабу, магазину, а Валентина назначили дневальным по университету. И компьютеры на нем, и уборка помещений. А еще он организует учебный процесс, чем, в общем-то, должен заниматься лейтенант Бубенцов. Должен, но зачем ему напрягаться, если есть подневольный специалист с высшим образованием и опытом работы?... Валентин не возражает, он на все согласен, лишь бы не дышать вредной химией в столярных и мебельных цехах. К тому же он даже зарплату получает, целых восемьсот рублей в месяц. Мелочь, конечно, по сравнению с тем, что он имел в Москве, но ценности прошлой жизни для него утрачены навсегда, и ему ничего иного не остается, как жить исключительно настоящим...

Шесть тридцать – шесть сорок пять, время завтрака. Тут и команду подавать не надо, народ сам валит на улицу. Пока построишься, пока дойдешь до столовой, время уйдет. А если еще и кога за хвост тянуть будешь, то на завтрак останется пять минут...

– Давай, козел, быстрее!

Валентин спускался вниз по лестнице, когда его толкнули в спину. Он вроде бы никого не задерживал, двигался с такой же скоростью, как и все, но досталось именно ему.

– Сам козел, – едва слышно буркнул себе под нос.

Но уголовник, шедший сзади, его услышал.

– Что ты сказал?! – взвился он.

Валентин промолчал, и это спасло его от последствий.

– Чибис, увянь!

– А чего он, а?

Валентин не видел людей, которым принадлежали эти голоса. Но он знал их, имел представление, насколько они опасны.

Коля Чибис, мордастый детина с расплюснутым от природы носом, попал в лагерь за разбой. Здесь он попытался влиться в ряды отрицал, чтобы не вкалывать на промзоне и с высоты воровских понятий командовать серой мужицкой массой. Но этот номер у него не прошел. Администрация колонии оказалась для него непреодолимым препятствием. Да и классических отрицал, живущих исключительно по воровским законам, в отряде, куда он попал, попросту не оказалось. Были блатные, но все они работали, потому что начальник лагеря жестко настаивал на этом. Другой вопрос, на каких должностях они подвизались – кладовщиками числились, каптерами, завхозами, при клубе работали, при санчасти. В общем, работенка не пыльная. Но как ни крути, а это работа, которую воровские законы осуждают.

Коля Чибис был банщиком, заведовал трусами и портянками. А Витя Макогон работал в котельной, вернее, числился на должности, поскольку кочегаров там и без него хватало. Витя Макогон, вообще, вор авторитетный, смотрящий по бараку. Но при этом он числился в хозяйстве, на «козлиной» должности. Значит, не простой он вор, а польский, что для блатного почти приговор.

Понятие «польский вор» пошло с далекого тридцать девятого года, когда к Советскому Союзу отошли западные районы Украины и Белоруссии. Польский вор вроде бы и не отличался от классического русского – те же властные замашки, та же пыль в глаза. Но поляки были не такими аскетами, как их советские коллеги; попадая в лагерь, они первыми делом старались занять хлебные места, что противоречило воровским законам. Поэтому очень скоро польских воров объявили суками и вырезали поголовно. Но понятие «польский вор» так и осталось как символ презрения и морального унижения. И звучало оно почти так же, как «козел».

Тот же Витя Макогон понимал, кем он был на самом деле, поэтому ему и не понравилось, каким словом Чибис назвал Валентина. Да, он принадлежал к числу лагерной obsługi, числился в «козлах», но ведь Макогон и Чибис ничем не лучше...

Коля оставил Валентина в покое. Но его пренебрежительное к нему отношение никуда не исчезло. И заключенные косо посматривали на Полунина. Ведь он должен был дать Чибису ответ, ударом ответить на оскорбление. Впрочем, переживать на этот счет не стоит. Скоро волна уляжется, и все всё забудут. Ведь Валентин всего лишь мужик, а не блатной, ему как бы и не обязательно держать ответ за оскорбление...

– Ну, давай, чего встал?

Крепкого сложения парень обогнал его у самых дверей, оттеснив плечом, первым вышел из жилого корпуса. Это не блатной, это мужик, но ведет он себя по-хамски, потому что Валентин не может за себя постоять. Или не хочет.

– Ты чего толкаешься?

Валентина ткнули в плечо. Соседу справа все равно, что его самого толкнули. Был бы на его месте Коля Чибис, этот мужик бы и слова не сказал. А с Валентином церемониться не обязательно.

Нет у него авторитета среди заключенных. Да он за ним и не гонится. Живет как все, соблюдает правила, ни с кем не ссорится, и его особо не трогают. Так, могут иногда посмеяться или толкнуть, как сегодня. Но ведь мыло в бане подбирать не заставляют, и то ладно.

На завтрак был плов – вернее, блюдо, которое так называлось. Вареный рис перемешивался с фаршем из костей, сухожилий, после чего подавался к столу. Но в принципе есть можно. Тем более что в других колониях мясо по утрам вообще не полагалось, а тут хоть намек на него сделан, и то хорошо. И хлеб сегодня вкусный, теплый, только что из печи. Начальник колонии строго за этим следит, потому и не бунтует колония. Чай не самый крепкий, но в нем сахар чувствуется; правда, горячим его не назовешь, не прогревается нутро.

Шесть пятьдесят – семь двадцать. Развод на работу. Валентина выводят из строя и под негромкое улюлюканье особо завистливых отправляют в сторону административного здания, что находится за пределами зоны, за контрольно-пропускным пунктом. Таково было условие преподавателей университета, с которыми начальник лагеря установил контакт. Система обучения дистанционная, но время от времени преподаватели все-таки приезжали в филиал, чтобы лично пообщаться со студентами. Поэтому они очень просили, чтобы руководство колонии избавило их от контакта с общей массой эков. Начальство пошло им навстречу и выделило несколько комнат в большом административном здании. Чтобы попасть туда, Валентину и остальным студентам из заключенных требовался пропуск.

От штабного здания до ворот транспортного КПП рукой подать, и кое-кто всерьез считает, что там воздух особый, свободный. Валентин с этим не согласен. Обычный там воздух, и свободой не пахнет. Там ведь и внутренний периметр охраны есть, и внешний, еще и стена высокая между ними, «егоза» над ней такая, что не продерешься. Автоматчики на вышках, собаки... Нет, при всем желании не сбежать на волю.

Семь тридцать. Начало работы... Не сбежать из лагеря. А хотелось бы обратиться отсюда куда-нибудь далеко-далеко, пусть в таежную глушь, но так, чтобы на свободу, чтобы не доставали коли чибисы, чтобы не толкались мужики... Впрочем, жить можно и в неволе. Лишь бы только с должности не слететь. А то компьютерных специалистов в лагере хватает и без Валентина. Хакеры, пираты, контрабандисты – и многие с высшим образованием. А место здесь, при филиале университета теплое, уютное. Народ по шумным и холодным цехам разошелся – а здесь батареи горячие, комнаты просторные, обои на стенах, занавески на высоких окнах, портреты великих мыслителей прошлого тысячелетия, на длинном столе вдоль стены – шесть компьютеров.

Но Валентина сейчас больше привлекал другой стол, обычный канцелярский, в небольшой комнатке, которую он облюбовал для себя. Там у него в тумбе электрочайник, заварка, сахар, конфеты, печенье. Лейтенант Бубенцов появится только через час, не раньше. За ним потянутся студенты, начнутся занятия. А пока можно и чай погонять. Главное не разлентиться, чтобы затем в ударном темпе сделать влажную уборку, да такую, чтобы ни одной пылинки не осталось...

Валентину часто снились мамины пирожки – с мясом, с печенкой и рисом, капустой, сыром. Не так давно они пришли в посылке, которые мама собиралась выслать регулярно, два раза в месяц. Пирожки там, правда, были черствыми, но все равно в них ощущался запах отчего дома.

От Дарьяны посылок не поступало, и в Лефортово она передачи не слала. И спасибо ей за это. Чем меньше напоминаний о ней, тем быстрее забудется...

Валентин открыл дверцу тумбы, с тоской глянул на приклеенную к ней фотографию из семейного альбома. Дарьяна в купальнике, на берегу моря. Он даже думать боялся показать этот снимок кому-то, не то что повесить перед своей койкой. Дарьяна такая красивая и соблазнительная на этом фото, что рукоблудники не дадут покоя... А может, и не нужно ее забывать? Тринадцать с половиной лет – это, считай, вся оставшаяся жизнь. Валентин уже и не верил, что когда-нибудь он выйдет на свободу, слишком далеко этот момент, слишком уж он из-за этого неправдоподобный. А раз так, то почему бы не представить, что Дарьяна до сих пор принадлежит ему как законная жена, что ждет его верно и с любовью? Так ведь легче будет жить. Иллюзия – это шаг к реальности, но с черного хода, по скользкой лестнице, упав с которой можно сойти с ума. Но если Валентин сойдет с ума, то Дарьяна станет еще ближе...

Он достал из тумбы электрочайник, налил в него воды из пятилитровой баклажки. Это утренний туман в голове не рассеялся, потому и бродят по извилинам сумрачные мысли. Ничего, вот уже поднимается солнце рабочего дня, оно разгонит сумасбродные мысли о Дарьяне...

Он выпил чаю, навел порядок в помещениях, а когда прибыл начальник, доложил ему о готовности к работе. Бубенцов сам обучался в дистанционном университете, но на организационные вопросы замыкаться не стал. Материал для самостоятельной работы скачивал и распечатывал Валентин, он же объяснял всем, что и как нужно делать; а теми студентами, кто изучал программирование, он занимался лично. Знаковые системы, коды, конфликты, баги... Он старался соответствовать запросам, потому что не хотел остаться без этой должности. Ведь он собирался и сам получить второе образование, заняться юриспруденцией. А почему нет, если есть возможность?...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.